

Записки бѣлогвардейца

Лейтенанта N. N.

Революція 27-го Февраля застала меня въ Петроградѣ на работѣ въ одномъ изъ штабовъ. То, что мы всѣ въ это время переживали напряженное состояніе, что всѣми чувствовалась надвигающаяся буря, говорить не приходится. За 16-ый и начало 17-го года, когда чувствовалось, что война затягивается, и видно было, что настроеніе всей Россіи, въ особенности тыла, становится все болѣе и болѣе ненадежнымъ, приходилось опасаться, что нервы народа не выдержатъ до побѣдоноснаго конца и война будетъ проиграна. Это же, казалось, неминуемо поведетъ къ революціи, съ которой уже справиться будетъ нельзя, ибо тѣ вооруженные милліоны, которые стояли на фронтѣ, направляясь по домамъ, сметутъ все на своемъ пути. Но все же, что революція приметъ такіе размѣры, такую фантастическую картину ужаса и развала, почти никто изъ окружающихъ меня и я самъ не понимали.

Есть много людей, забывшихъ это время и говорящихъ теперь, что они это сознавали, предвидѣли, но я долженъ сказать, что будучи въ центрѣ работы, имѣя возможность читать многое изъ поступавшихъ донесеній секретныхъ развѣдокъ, могу удостовѣрить, что получившагося и, именно, въ такихъ размѣрахъ не предугадывалъ никто.

Несмотря на утомленіе войной, все же мысли страны были на фронтѣ, и она искала лишь виновниковъ въ неудачахъ и переносимыхъ ею тягостяхъ, подозрѣвая на каждомъ шагу измѣну.

Подъ этимъ лозунгомъ и началась революція.

Сейчасъ есть голоса, недоумѣвающіе, какъ это рабочіе, сидящіе у большевиковъ безъ хлѣба, молчатъ, а въ 17 году не удовлетворялись получаемымъ 1½ фунтовымъ пайкомъ. Но, вѣдь, это происходитъ отъ психологіи; тамъ былъ кто-то отвѣтственнымъ, а теперь такового нѣтъ, или вѣрнѣе всѣ видятъ, что неоткуда его достать, такъ какъ всѣ такъ или иначе причастны къ власти, что ими и сознается.

А что дѣло съ продовольствіемъ было ужъ и тогда затруднено, для выясненія этого надо только вспомнить поѣздки министра земледѣлія Риттиха въ Январѣ и Февралѣ 1917-го года въ Поволжье за хлѣбомъ: безъ экстренныхъ мѣръ продовольственный вопросъ грозилъ арміи катастрофой. Нужно вспомнить хвосты, стоящіе въ Петроградѣ въ очередяхъ, нужно вспомнить съѣзды уполномоченныхъ по продовольствію

съ мѣсть, обсуждавшихъ критическое положеніе въ связи съ разрухой транспорта. Можно еще указать на телеграммы командующаго Черноморскимъ флотомъ адмирала Колчака, гласящія, что имъ отпускается на нужды заводовъ города Николаева уголь изъ запасовъ боевого флота, ибо иначе заводы останутся, что вызоветъ несомнѣнно беспорядки, почему требуется немедленная срочная доставка угля для пополненія запасовъ флота и обезпеченія заводовъ. Однако, за разрушеніемъ транспорта этого сдѣлать не представлялось возможнымъ. Я и потомъ слыхалъ отъ людей, работавшихъ въ центрѣ, что наладить доставку продовольствія и снабженія къ лѣту 17-го года не представлялось возможнымъ, аппаратъ началъ сдавать. Однимъ словомъ, тылъ въ этотъ моментъ оказался несостоятельнымъ и обезпечить фронта не могъ.

Начавшіяся, сперва мѣстами, уличныя выступленія 22—26 Февраля, вылившіяся затѣмъ въ болѣе опредѣленныя формы, проходили подъ національными лозунгами, лозунгами борьбы съ измѣной и т. д. Появившіяся мѣстами на окраинахъ города шествія рабочихъ съ плакатами «да здравствуетъ миръ» были одиночны и звучали какимъ то диссонансомъ среди общаго хора раздававшагося кругомъ.

Въ военной средѣ, люди, понимавшіе до извѣстной степени обстановку, испугались появившагося приказа № 1, подписаннаго Петроградскимъ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Этотъ приказъ, шедшій снизу, былъ зловѣщимъ признакомъ, что почва изъ подъ ногъ арміи вырвана, и въ его тонѣ сразу почувствовалась рознь между солдатомъ и офицеромъ. Я сказалъ бы, что эта пропасть была искусственно углублена и внушена извнѣ, ибо люди, относившіеся раньше довѣрчиво, сразу послѣ этого преобразились. Вѣдь ясно, что не солдату показалось страшнымъ съ первыхъ же дней революціи призракъ контръ-революціи, таившейся въ офицерской средѣ, а, именно, партійнымъ дѣятелямъ надо было углубить революцію и внушить чувство недоувѣрія.

Но въ общемъ, ни массы, ни большинство интеллигенціи не понимали обстановки. Много руководящихъ лицъ начали съ мѣста приспосабливаться, считая, что основной задачей остается веденіе войны, и, не отдавая себѣ отчета въ налетѣвшемъ вихрѣ событій, старались, не думая о своемъ личномъ достоинствѣ, вести дѣло лишь такъ, чтобы не повредить работѣ фронта. Но, конечно, были и исключенія, кое-кто и отдавалъ себѣ отчетъ. Такъ, я лично слыхалъ фразу В. А. Маклакова, когда я случайно былъ въ Государственной Думѣ по дѣламъ штаба, на 3 или 4 день революціи, еще до момента составленія кабинета Временнаго Правительства; Маклаковъ говорилъ, что теперь все пропало, власть удержать никому не удастся.

Крайніе правые сразу стали на точку зрѣнія афоризма, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; и въ теченіе первыхъ 6-ти мѣсяцевъ революціи дожидались съ нетерпѣніемъ большевизма и часто голосовали за ихъ вождей, ища въ этомъ исхода изъ создавшагося положенія; они рассчитывали на кратковременное существованіе большевиковъ и были увѣрены, что массы такъ преданы монархической идеѣ, что тотчасъ же пожелаютъ имѣть хозяина, который и возстановитъ весь старый строй.

Часть военныхъ, стоявшихъ ближе къ военной развѣдкѣ, учитывала работу нѣмецкихъ агентовъ въ первые дни революціи (напримѣръ, убійство

лучшихъ спеціалистовъ-офицеровъ въ Кронштадтѣ, разгромъ контрразвѣдочныхъ отдѣленій, помѣщавшихся по частнымъ квартирамъ въ Петроградѣ и т. д.), понимала серьезную опасность положенія для войны и прятала все секретные документы и военные матеріалы отъ различныхъ обысковъ, производимыхъ группами солдатъ, среди которыхъ, по имѣвшимся даннымъ, могли быть и непріятельскіе агенты.

Черезъ короткій промежутокъ времени послѣ совершившагося переворота, я, какъ работавшій раньше въ провинціи, былъ командированъ (согласно просьбы У. Земскаго Собранія) въ одну изъ черноземныхъ губерній средней Россіи, гдѣ я принялъ участіе въ происходящей тамъ административной и продовольственной работахъ въ теченіе 2½ мѣсяцевъ, какъ комиссаръ Временнаго Правительства и предсѣдатель продовольственной управы. Будучи и раньше близко знакомъ съ работой на мѣстахъ, выросши въ деревнѣ и не потерявши связи съ провинціей и во время войны, мнѣ, по пріѣздѣ туда, пришлось сразу окунуться во все частности жизни.

Первый мѣсяцъ революціи проходилъ въ деревнѣ исключительно подъ тѣми же лозунгами, какъ и въ центрѣ. Крестьянство почти всюду встрѣтило переворотъ совершенно спокойно. Я не знаю ни одного эксцесса за это время. Не будучи подготовленнымъ къ нему, оно и встрѣтило, и отнеслось къ нему съ осторожностью.

Въ мѣстныхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ происходили различныя собранія горожанъ, выносились единогласно патріотическія резолюціи, дѣлались крупныя сборы какъ денежныя, такъ и хлѣбомъ для поддержки фронта, организовывались комитеты и учреждалась милиція вмѣсто бѣжавшихъ полицейскихъ чиновъ, бросившихъ власть и оружіе. На эти должности выбирались почти вездѣ люди изъ буржуазныхъ слоевъ. Все стремились лишь къ одному — удержать порядокъ.

Происшедшіе кое-гдѣ небольшіе беспорядки, вродѣ разгрома лавокъ, носили чисто хулиганскій характеръ.

Но уже въ это время начали появляться на сцену люди съ демагогическими приемами, бывшіе до того въ тѣни, причемъ, большинство изъ нихъ были почти всегда лица съ весьма сомнительной прошлой репутаціей. Объявляли они себя въ большинствѣ случаевъ соціалистами-революціонерами, хотя было ясно, что они ни о программѣ этой партіи, ни о работѣ ея никогда не слыхали.

Въ этомъ отношеніи вскорѣ большую роль въ уѣздахъ начали играть появившіеся изъ окраинъ люди, сосланные въ свое время за участіе въ политическихъ партіяхъ. Они, прошедшіе извѣстный стажъ подпольной работы и политической ссылки, немедленно начали организовывать и руководить политической жизнью на мѣстахъ. Въ конечномъ итогѣ эти руководители, бывшіе преимущественно эс-эрами, принуждены были черезъ годъ уйти отъ дѣла, уступивъ мѣсто въ провинціи вновь народившимся дѣятелямъ, — вернувшимся распропагандированнымъ солдатамъ, которые, усиливая анархію, углубляли революцію все дальше и дальше, разрушая всякую устойчивость власти.

Въ губернскихъ городахъ и въ болѣе крупныхъ мѣстахъ движеніе послѣ переворота сразу приняло болѣе организованный характеръ, во главѣ его стала отчасти мѣстная интеллигенція преимущественно изъ

адвокатскаго міра, а толпа, предводительствуемая рабочими полунинтеллигентскаго вида, начала предъявлять требованія преимущественно экономическаго характера, въ которыхъ чувствовалась извѣстная программа.

Но все же надо опредѣленно сказать, что въ уѣздахъ и въ деревнѣхъ первые 2—3 мѣсяца ожидали указаній изъ центра, и первый составъ Временнаго Правительства совершилъ несправимую историческую ошибку, не попытавшись сразу взять болѣе опредѣленный курсъ, давая указанія сверху, а не дожидаясь, чтобы вся власть внизу конструировалась по случайнымъ, самымъ разнообразнымъ признакамъ. Привычка работать, слушать ближайшія инстанціи была настолько вкоренившейся, что часто одна лишь телеграмма министерства или губернскаго комиссара мѣняла все дѣло. Кромѣ того, играла роль и боязнь быть обвиненнымъ въ допущеніи анархіи.

Въ концѣ Марта, циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, было дано указаніе о демократизаціи земскихъ собраній. (О городскихъ думахъ не говорилось, ибо предполагалось, что онѣ должны быть переизбраны на основаніи четыреххвостки въ самое ближайшее послѣ переворота время.) Но какъ должна была производиться эта демократизація собраній, на какихъ основаніяхъ, что считать демократіей, на это центръ не далъ никакихъ руководящихъ указаній. И потому, волей неволей, пришлось въ жизни весьма быстро столкнуться съ этимъ вопросомъ. Тогда то и начались потоки рѣчей и словъ въ различныхъ исполнительныхъ комитетахъ, ихъ бюро, сѣздахъ комитетовъ и т. д. Всякому руководителю хотѣлось тѣмъ или инымъ способомъ пролѣзть въ земское собраніе, а многихъ крестьянъ, какъ это бывало и раньше, тянуло попасть въ члены управы, чтобы сѣсть на платное мѣсто.

На мѣстахъ получилась страшная неразбериха, всякій считалъ, что лишь онъ является нужнымъ демократомъ, хотя бы онъ никакого отношенія не имѣлъ къ данной мѣстности и данному земству. Но это былъ способъ имѣть вліяніе, быть ближе къ денежному сундуку.

Одни настаивали, что должны быть введены 100% гласныхъ изъ числа уѣзднаго Исполнительнаго Комитета, другіе настаивали, что весь Комитетъ, какъ выразитель подлинной демократической части населенія, долженъ войти; кое кто полагалъ, что для демократизаціи земства достаточно его пополнить 100% земскихъ служащихъ, какъ не имѣвшихъ до того голоса, а Исполнительный Комитетъ, какъ власть, тутъ не при чемъ. Словомъ рецептовъ и желаній было много. Изъ-за этого созывъ собранія откладывался, собранія срывались; кто обращался за разъясненіемъ къ губернскому комиссару, кто къ Губернскому Исполнительному Комитету, а кто и прямо въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое въ отвѣтъ на эти попытки грозило закрыть кредитъ въ казначействѣ. Мѣстами вопросъ этотъ такъ и не получилъ разрѣшенія и только уходъ Кн. Львова въ Іюль развязалъ руки на мѣстахъ, и Исполкомы, почувствовавъ неограниченную свободу, силой разогнали Управы, выбравъ на ихъ мѣсто своихъ людей.

Деревня за первые 2—3 мѣсяца, гдѣ мнѣ часто приходилось бывать на сходахъ, или какъ тогда ихъ начали называть — собраніяхъ, предъявляла мнѣ требованія на землю, пользованіе лѣсами, лугами и пастбищами, требовали кое-какихъ измѣненій въ общемъ укладѣ жизни, но это почти вездѣ

происходило безъ грубыхъ насилій и, если иногда и чувствовалась скрытая угроза, то она явно не проявлялась; слишкомъ еще вліяли старые устои. Вообще, вездѣ можно было услышать фразы, что «мы грабить не хотимъ, а желаемъ получить по согласію», и т. д. Въ этомъ отношеніи, конечно, имѣло большое значеніе то, что власть сначала попала въ руки болѣе сознательныхъ, уравновѣшенныхъ, буржуазно-настроенныхъ людей и демагогамъ рѣдко давали ходъ. Но появившіеся черезъ мѣсяць два партійныхъ эс-эра, начавшіе объѣздъ и пропаганду, предъявляя заранѣе выработанную программу, сильно двинули движеніе впередъ. Однако, я повторяю, въ началѣ шли только разговоры о землѣ, о принятіи на учетъ имѣющагося хлѣбнаго запаса и раздачи его неимущимъ, и только иногда поднимали вопросъ объ инвентарѣ и почти никогда не касались домашней обстановки, признавая опредѣленно, что это крестьянъ не касается.

Это настроеніе продолжалось приблизительно до мая — іюня мѣсяца, послѣ чего сталъ замѣтенъ рѣзкій поворотъ, появилась тенденція спорить съ губернскими установленіями, вершить дѣла по своему усмотрѣнію, отдавать власть исключительно социалистамъ, которые разѣзжались по всеѣмъ селеніямъ, агитируя, если не за прямое неподчиненіе властямъ, то критикуя лицъ, стоящихъ близко къ ней и, въ особенности, борясь съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Все это сыграло большую роль въ развитіи анархій; въ особенности роковую роль сыграла позиція, занятая Черновымъ и, затѣмъ, и всеѣмъ кабинетомъ Керенскаго, за время власти котораго — лозунгъ «полноты власти на мѣстахъ» фактически осуществился. Поэтому, переходъ управленія въ руки большевиковъ практически на мѣстахъ, и, въ особенности, въ деревнѣ, совершенно не почувствовался, ибо главное въ отношеніи уравненія всеѣхъ и разоренія всеѣхъ уже было сдѣлано и господствовала настоящая анархія. Результатъ перехода отъ весняного, сравнительно тихаго періода, началъ сказываться къ концу Августа, а затѣмъ и осенью 17-го года, когда вся черноземная полоса запылала, шли погромы и осуществлялся идеаль Чернова — «сравнять помѣщичьи усадьбы съ землей».

Однако, за это переходное время, въ теченіе лѣта, въ сознаніи народа признавалось право собственниковъ (въ какихъ то предѣлахъ) на землю, которое будетъ точно опредѣлено Учредительнымъ Собраніемъ. Это подтверждается тѣмъ, что большинствомъ землевладѣльцевъ были засѣяны безпрепятственно съ осени 1917 года озимые хлѣба, право на которые въ сознаніи крестьянъ они потеряли лишь въ 18 году.

Стараніе партійныхъ руководителей къ организаціи на мѣстахъ массъ несомнѣнно сыграло свою роль. Созывъ различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ, на которые въ большинствѣ случаевъ ѣздила лишь молодежь или крикуны, дѣйствовалъ какъ средство пропаганды. Болѣе умѣренное крестьянство, зажиточные и крѣпкіе хозяева избѣгали ѣздить на эти съѣзды, ибо съ одной стороны имъ, какъ хозяйственнымъ людямъ, было жаль терять время, а съ другой стороны, они и не особенно довѣряли устанавливающимся порядкамъ и побаивались отвѣтственности. По послѣднему мотиву многіе изъ нихъ и въ послѣдующее время, когда мѣстные сельскіе комитеты или совѣты устраивали аукціоны на все помѣщичье хозяйство, не брали для себя ничего. Деревня жила надеждой на Учредительное Собраніе, ожиданіе его созыва успо-

каивало, а когда подошли выборы, то вездѣ они были произведены съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Но до чего народъ все же не былъ подготовленъ къ четыреххвостной системѣ выборовъ, видно изъ того, какъ серьезно спрашивала одна старуха передъ выборами мѣстнаго земскаго врача, что, правда-ли, тѣхъ, кто будетъ подавать за кадетскій списокъ, будутъ арестовывать или даже ссылатъ. Въ данномъ случаѣ агитаторы и мѣстные демагоги не стѣснялись въ средствахъ для достиженія цѣли, и злоупотребленія самаго наглаго свойства примѣнялись постоянно.

Но, конечно, послѣ первыхъ мѣсяцевъ революціи, когда надъ крестьянами не оказалось никакой власти, а своихъ выборныхъ они легко могли безъ всякихъ формальностей смѣнять, положеніе стало обостряться и толпа, почувствовавъ безнаказанность, стала проявлять грубость, постоянно вмѣшиваться во все, опекать черезъ свои комитеты землевладѣльцевъ и кончилось тѣмъ, что начали слѣдить, чтобы не расхищалось «народное добро», т. е. стали запрещать распоряжаться своимъ имуществомъ.

Если въ первые дни революціи крестьянство не слишкомъ рѣзко проявляло себя въ сферѣ социальныхъ отношеній, не будучи увѣреннымъ, во что все это выльется, то по отношенію къ мѣстнымъ интеллигентнымъ силамъ, сельскому учительскому персоналу и духовенству, оно сразу стало проявлять свое неуваженіе. Своимъ грубымъ отношеніемъ крестьянство сразу оттолкнуло отъ себя почти безъ исключенія всѣхъ учителей, которые сразу же оказались не у дѣль. А ужъ кому, казалось бы, ближе жизнь деревни со всѣми ея нуждами и психологіей, какъ не сельскому учителю и учительницѣ, знающимъ поголовно всѣхъ мѣстныхъ жителей, составъ ихъ семей и не могущихъ въ то же время вызывать чувство зависти своей убогой, по истинѣ, жизнью. Я не имѣю въ виду здѣсь молоденькихъ барышень, прямо со школьной скамьи попавшихъ въ глушь, въ медвѣжьи углы и потому подавленныхъ обстановкой и чувствующихъ себя беспомощными.

Я помню, какъ на одномъ изъ сѣздовъ учителей, учительницъ и священниковъ, собранныхъ земствомъ въ маѣ 1917 года въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ, было заявлено масса жалобъ учительницъ объ ихъ беззащитности и просьба оградить ихъ отъ грубости и вмѣшательства въ ихъ частную жизнь. Онѣ опредѣленно говорили, что комитетъ, почувствовавъ себя хозяиномъ, распоряжался школьными зданіями для устройствъ сельскихъ собраний и засѣданій безъ всякихъ стѣсненій, являясь и въ классное, и, вообще, въ любое время и мѣшая занятіямъ. Приходили и по вечерамъ, стучались упорно къ нимъ, вваливаясь въ ихъ частныя квартиры, требуя различныя объясненія въ ихъ дѣятельности, упрекая въ нерадивости, по ихъ мнѣнію, въ школьныхъ занятіяхъ, указывая на неуспѣхъ своихъ дѣтей въ ученіи, обвиняя ихъ въ пристрастїи, и сводя личные счеты.

Это было послѣ 2½ мѣсяцевъ революціи, а соберись сѣзды немного ранѣе, мѣсяца за 1½ до этого, когда еще переживались медовые мѣсяцы свободы, нареканій и жалобъ такого рода, конечно, не было бы. Трудно себѣ и представить, до чего недооцѣнивалась грубость и дикость среды, даже людьми близко стоявшими къ народу.

Такое же отношеніе было и къ духовенству. Не пострадали въ большинствѣ случаевъ лишь священники, не проявлявшіе совершенно интереса къ общественнымъ дѣламъ, или люди взявшіе заискивающій передъ крестьянами тонъ, хотя и это, въ конечномъ итогѣ, мало помогало. Случаевъ требованія крестьянами увольненій изъ прихода священника было очень много. Дѣло дошло до того, что священники начали сорганизовываться и бойкотировать тѣ приходы, откуда насильственно были удалены священники прихожанами.

Что касается отношенія къ войнѣ, то первые мѣсяцы послѣ революціи всѣ относились къ ней съ большимъ интересомъ, считали, что ее нужно довести до конца, ловили дезертировъ и, арестованными отправляли ихъ по этапу къ военнымъ властямъ, и если война крестьянамъ и надоѣла и казалась тяжелой, то все же лозунгъ «до побѣднаго конца» пользовался популярностью. Воззваніе Шингарева о доставкѣ продовольствія для арміи читалось вездѣ со вниманіемъ и вызывало сочувствіе.

Первыми занесшими въ деревню мысль о необходимости или желаніи прекратить войну были солдаты, и я вновь удостоверяю, что въ средней черноземной полосѣ Россіи, эти разговоры среди крестьянъ успѣхомъ не пользовались и только постепенно, послѣ 5—6 мѣсяцевъ, крестьяне начали воспринимать мысль, что такъ воевать дальше нельзя. Но я неоднократно слыхалъ фразу еще и въ концѣ лѣта 17 года, что сперва надо кончить съ однимъ дѣломъ т. е. войной, а затѣмъ ужъ браться и за уравненіе земель и устраивать жизнь на свободныхъ началахъ.

Большевицкій переворотъ, какъ я уже указывалъ, въ средней Россіи долго не ощущался. Большевицзмъ въ деревнѣ началъ проявляться болѣе наглядно къ самому концу декабря 17 года и началу января 18 г., когда пришедшіе къ этому времени солдаты съ фронта, распропагандированные большевицскими агентами до послѣдней степени, стали выступать, открыто называя себя «большевицами», что считалось до того въ деревнѣ позорнымъ. Вернувшіеся съ фронта солдаты начали предъявлять свои права на раздѣленную безъ нихъ добычу, грозили отнятіемъ у болѣе зажиточныхъ и успѣвшихъ пріобрѣсти за это время имущество; одновременно приступили къ организаціи своихъ «сельскихъ солдатскихъ совѣтовъ», начали сноситься съ сосѣдними селами и, вообще, проявлять себя дѣятельно, иногда и безпокойно. Они въ большинствѣ случаевъ прошли въ слѣдующій періодъ движенія и въ комитеты бѣдноты, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ жили съ своими семьями не въ раздѣлѣ, и отцы ихъ часто были однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ селѣ. Солдаты же внесли извѣстную организацію, воспринятую ими въ войсковыхъ частяхъ, избирались на различные сѣзды, куда крестьяне ихъ охотно пускали. Но это уже относится болѣе къ первой половинѣ 18 года.

Характернымъ явленіемъ за первую зиму большевицскаго владычества было крайне развитое мѣщечничество. Крестьяне, переодѣвшись въ солдатскую форму, загружали всѣ вагоны, увозя изъ хлѣбныхъ мѣстъ самогонку, разграбленный спиртъ съ винокуренныхъ заводовъ, а иногда и просто хлѣбъ и продовольствіе, везя все это въ Москву или болѣе сѣверныя губерніи, получая въ обмѣнъ мануфактуру или выручая сравнительно по тому времени большія деньги. Борясь съ этимъ явленіемъ и вообще съ продовольственной разрухой, совѣтское правительство начало обра-

зовывать продовольственные отряды, изъ которыхъ впоследствии были выдѣлены, такъ называемые, заградительные, цѣлью созданія которыхъ было содѣйствіе реквизиціямъ, а также и обыскамъ въ поѣздахъ. Отряды эти родились изъ «красной гвардіи» и, благодаря своей энергичной дѣятельности, приобрѣли страшную ненависть со стороны крестьянъ. Ненависть эта была до того сильна, что весной 1918 года, крестьянскіе сходы выносили приговоры о лишеніи земельного надѣла тѣхъ семей, члены которыхъ состояли на службѣ въ «красной гвардіи». Надо отдать справедливость, что въ отряды эти шли хулиганы и вообще отбросы молодого крестьянства, и вели себя весьма вызывающе. «Красную армію», образованіе которой относится къ веснѣ и лѣту 18 года, долго смѣшивали съ «красной гвардіей» и въ ней крестьянство долго видѣло продовольственные отряды и потому относилось враждебно; къ тому же, усвоивъ принципъ «власти на мѣстахъ», крестьянство не хотѣло никому подчиняться. Я помню, какъ я присутствовалъ на одномъ изъ сельскихъ сходовъ въ Августѣ 18 года, когда обсуждался вопросъ о мобилизаціи одного года кавалеріи и артиллеріи для красной арміи. Молодыхъ людей, подлежащихъ призыву, было всего двое, и они, сговорившись со своими товарищами, просили сельскій сходъ дать имъ удостовѣреніе на разрѣшеніе не идти въ городъ, полагая, что власть не на столько крѣпка и авторитетна, что ея приказанія нужно исполнять. Сходъ, который безусловно весь сочувствовалъ своимъ односельчанамъ, высказывался, что, если идти, такъ всѣмъ достигшимъ 40 лѣтняго возраста, рассчитывая, что такая постановка вопроса испугаетъ власть, и только послѣ долгаго обсужденія присоединился къ голосу одного солиднаго крестьянина, заявившаго, что все это неисполнимо, а поддерживать призываемыхъ и дать свою подпись на приговорѣ онъ отказывается, ибо противъ пулеметовъ, которые вѣроятно явятся съ карательнымъ отрядомъ, онъ голыми руками сражаться не будетъ, подписавшись же на приговорѣ, онъ обязуется поддержать призываемыхъ.

Какъ на проявленіе психологіи подчиненія, я могу указать и на рѣшеніе другого схода, на которомъ во избѣжаніе реквизиціи хлѣба, было постановлено добровольно обложить каждую душу небольшимъ количествомъ пудовъ, рассчитывая, что этимъ они откупятся отъ присылки продовольственнаго отряда.

Это приспособленіе къ новой центральной власти, отнявшей самостоятельность «власти на мѣстахъ», проходитъ яркой чертой въ психологіи массъ народа, который не вѣрилъ въ ея устойчивость.

Сельскіе комитеты бѣдноты, а передъ этимъ «красная гвардія», пополнялись изъ хулиганствующей молодежи. Печать какъ то мало сейчасъ обращаетъ вниманіе на явленіе, называемое раньше «хулиганствомъ» и которое въ свое время, съ 1910—14 годъ тревожило правительство и общественное мнѣніе. Это явленіе еще въ то время требовало примѣненій особыхъ мѣръ въ борьбѣ съ нимъ и изученіе этой крайне вредной, безнравственной черты въ жизни нашей молодежи. Я помню, какъ тогда еще въ юридической литературѣ появлялись статьи, стремившіяся опредѣлить и формулировать это новое понятіе. И теперь, оглядываясь на все это время, несомнѣнно приходится признать глубокую духовную связь хулиганства съ большевизмомъ среди массъ. Какъ то,

такъ и другое, питалось отсутствіемъ нравственныхъ устоевъ, стремленіемъ къ разрушенію и проявленію самыхъ дикихъ, необузданныхъ инстинктовъ, и бороться съ ними уже было трудно и тогда.

НАЧАЛО БЪЛАГО ДВИЖЕНІЯ

Революція, начавшаяся подъ національнымъ лозунгомъ, была принята почти всѣмъ русскимъ народомъ, какъ военнымъ такъ и гражданскимъ населеніемъ, какъ надежда на доведеніе войны до успѣшнаго конца. Однако, вмѣшавшійся интернаціональный соціалистическій элементъ, раздувшій классовый антагонизмъ, а съ другой стороны, паденіе дисциплины и всякихъ тормозящихъ центровъ началъ усиленно разлагать спайку и единство, съ которыми только было возможно продолжать вооруженную борьбу съ противникомъ.

Офицерство, начиная съ командующихъ и кончая самыми молодыми офицерами, почти безъ исключенія подчинилось совершившемуся перевороту, понимая, что всякій раздоръ или несогласіе, выявленные въ его рядахъ, будетъ имѣть самое пагубное вліяніе на фронтъ. Это, конечно, понималось и многими другими, но боязнь, что революція отъ этого можетъ пострадать, недостаточно углубиться, заставляла русскихъ партійныхъ дѣятелей, выросшихъ преимущественно за границей и чуждыхъ русскому народу, — рѣшить, что революція выше фронтовыхъ дѣлъ, почему все вниманіе и было направлено на укрѣпленіе позицій для достиженія лелѣянныхъ ими идеаловъ. О разлагавшихъ родину съ спеціальными намѣреніями нечего и упоминать. Благодаря этому, получилось совершенно недопустимое положеніе: все офицерство упорно оставалось на фронтѣ и своихъ мѣстахъ, въ тылу же толпы разнузданныхъ солдатъ расправлялись съ ихъ товарищами, а крестьяне оскорбляли и грабили ихъ родныхъ, всячески издѣваясь надъ ними. Положеніе офицерства вслѣдствіе этого становилось подчасъ невозможнымъ. При этомъ, негдѣ было искать защиты, ибо зачастую власть въ лицѣ комитетовъ была источникомъ всего этого, но долгъ передъ родиной, какъ онъ понимался большинствомъ, заставлялъ все съ горечью переносить. Это бывало иногда поистинѣ трагедіей! И въ итогъ, на душѣ у офицеровъ накоплялась злоба противъ революціонныхъ массъ, и противъ правительства, играющаго, какъ иногда казалось, двойную игру, и противъ комитетовъ, поощрявшихъ это, — злоба, обострявшаяся еще тѣмъ, что ясно было, что все идетъ къ разрушенію, что родина гибнетъ.

Неудавшееся выступленіе Корнилова показало, что гражданская война неизбѣжна, и, какъ только паденіе Риги выяснило, что фронтъ фактически не существуетъ, что война, объединяющая и заставляющая офицерство честно сидѣть на своихъ постахъ, окончена, невольно началось бѣлое движеніе. Оно началось безъ общаго предварительнаго сговора, все потянулось на Донъ, на Кубань, гдѣ положеніе казалось болѣе надежнымъ. Къ этому же времени большевики, захватившіе силой власть въ руки, оттолкнули отъ себя и чиновничество.

Одновременно съ концентрированіемъ военныхъ на Дону, начались организовываться контръ-революціонные центры и ячейки по всей Россіи.

Отсутствие опыта въ подпольной работѣ осложнялось природной мягкотѣлостью и скупостью буржуазіи, не отдававшей себѣ отчета въ происходящемъ, и упорно цѣплявшейся за остатки своего имущества и капитала; организаціонное дѣло шло весьма туго. Приходилось начинать все съ азовъ, устанавливать между ячейками связь, находить ихъ, объединять платформами и т. д.

Сейчасъ не время касаться этой работы въ полной ея мѣрѣ, но надо засвидѣтельствовать, что много людей, несмотря на всѣ затрудненія, честно выполняли свой долгъ передъ родиной, какъ они его понимали, стараясь находить общій языкъ, откидывая партійныя разногласія, ставя родину выше всего, выше революціи, своихъ кастовыхъ интересовъ или какого либо отвлеченнаго лозунга. Много теперь изъ этихъ честныхъ сыновъ Россіи погибло, но придетъ время, когда имъ будетъ воздано по заслугамъ.

Полный недостатокъ средствъ очень осложнялъ работу. Благодаря этому активныя части организацій, состоящія изъ вооруженныхъ людей, не могли долго выдерживать и дожидаться момента выступленія, ибо, за отсутствіемъ средствъ, люди принуждены были расходиться, ища себѣ заработка на сторонѣ. Правда, они старались совмѣстить свою платную работу съ борьбой съ большевизмомъ, но это, конечно, удавалось рѣдко.

Мнѣ пришлось принять участіе въ этихъ организаціяхъ совершенно случайно. Все мало-мальски живое, активное и не настроенное демагогически не могло спокойно мириться съ окружающей обстановкой, когда всякій, такъ называемый, «революціонный солдатъ», а въ сущности просто разнузданный, потерявшій человѣческой обликъ вооруженный типъ былъ волею надъ вами, вашей честью и близкими. Такъ, организаціи создавались не по письменной, обдуманной программѣ или уставу, а просто образовывались вездѣ, гдѣ приходилось; и въ столицахъ, и въ большихъ городахъ, и въ малыхъ, и даже въ захолустныхъ мѣстечкахъ были свои ячейки, состоящія изъ людей или видящихъ гибель всего цѣннаго кругомъ, или пострадавшихъ тѣмъ или инымъ способомъ отъ революціи и потому не могущихъ ею восторгаться.

Группировка происходила вездѣ по двумъ главнымъ признакамъ: съ одной стороны, общественные элементы, болѣе знакомые съ политическими вопросами, а съ другой — военные круги, гдѣ находились люди, стоявшіе ближе къ оружію, къ возможности оказывать сопротивление насильникамъ, узурпировавшимъ власть и разрушавшимъ родину. Были, конечно, люди и изъ указанныхъ категорій, не принимавшіе участіе въ этомъ движеніи, но это происходило по какимъ либо чисто индивидуальнымъ причинамъ.

Какъ бы то ни было, ячейки организацій возникали къ зимѣ 1917 года повсемѣстно. Въ мелкихъ центрахъ политическія и военныя составляли одно цѣлое, въ крупныхъ же образовывались раздѣльно и только лишь съ теченіемъ времени переходили на совмѣстную координированную работу.

Я былъ въ январѣ 1918 года проездомъ въ Москвѣ и, уже принимая въ то время близкое участіе въ работѣ одной изъ провинціальныхъ ячеекъ Поволжья, разыскалъ въ Москвѣ людей, которые, по моимъ соображеніямъ,

должны были сочувствовать переживаемому нами и потому не сидѣть со сложенными руками.

Найдя интересующихъ меня людей, я увидалъ, что они, отбросивъ тогда всякую партійность, уже признали, какъ единственное государственное начало — Добровольческую армію, начавшую тогда свою дѣятельность на Дону, и старались направлять свою дѣятельность въ соответствии съ ея.

Мнѣ было дано порученіе, какъ ѣхавшему въ Петроградъ и знакомому по войнѣ съ нѣкоторыми центральными учрежденіями, связаться съ ними. Это было мной исполнено, но тогда Петроградъ уже работалъ самостоятельно и потому практически это имѣло мало значенія. По возвращеніи черезъ довольно короткій промежутокъ времени въ Москву, я былъ посланъ однимъ изъ крупныхъ политическихъ объединеній, начавшимъ тогда принимать болѣе опредѣленные формы, въ Среднее Поволжье, куда въ теченіе марта 18 года и съѣздили, побывавъ въ Самарѣ, Саратовѣ и Пензѣ.

Вездѣ въ этихъ мѣстахъ ячейки нашлись, но носили онѣ различный характеръ. Такъ, на примѣръ, въ Саратовѣ была хорошая военная организація, и, начнись тогда, какъ многіе и ожидали, возстанія въ столицахъ или приблизься части генерала Алексѣева съ Дона, эта ячейка могла бы сыграть серьезную роль, захвативъ въ свои руки городъ Саратовъ, который тогда игралъ для большевиковъ серьезную роль, какъ база въ ихъ борьбѣ съ Уральскими казаками, не признавшими до того времени власти коммунистовъ.

Эта же группа держала связь съ Ураломъ.

Въ Самарѣ политическая организація, которую мнѣ пришлось нащупать, была близка къ мѣстнымъ социалистическимъ кругамъ и впоследствии, при обстрѣлѣ Самары лѣтомъ 1918 года, эта организація выявилась, оказавъ при занятіи города помощь въ борьбѣ съ мѣстными красными войсками.

Въ Самару я попалъ въ моментъ выступленія анархистовъ, матросовъ и мѣстныхъ извозчиковъ противъ совѣтовъ. Это оригинальное соединеніе произошло вслѣдствіе того, что извозчики, предъявившіе экономическія требованія къ власти, были поддержаны матросами, находящимися въ городѣ и на Волжскихъ пароходахъ, а также анархистами, игравшими почти вездѣ въ это время по городамъ довольно серьезную роль. Это вообще былъ моментъ анархіи, совѣты устанавливали свою власть, въ городахъ происходили налеты различныхъ бандъ, дѣйствовала еще самоохрانا изъ городскихъ жителей; власть же большевиковъ проявлялась въ требованіи съ обывателей контрибуцій и въ арестахъ обывателей за ея неуплату.

Изъ Самары я проѣхалъ въ Пензу. Пенза въ ту пору производила съ виду болѣе спокойное впечатленіе. Эс-эровскіе и другіе комитеты временъ послѣдняго періода власти Временнаго Правительства были замѣнены совѣтами лишь въ январѣ мѣсяцѣ и притомъ это произведено было большевиками такъ несмѣло, что власть ихъ, казалось, будетъ весьма недолговѣчной. Кромѣ этого, мѣстный губернский комиссаръ по фамиліи Кураевъ, повидимому, болѣе идейный человекъ, чѣмъ какіе встрѣчались въ другихъ городахъ, оказался довольно культурнымъ и дикостей проявлялось значительно менѣе.

А это кляло извѣстный отпечатокъ на весь городъ.

За то въ слѣдующій періодъ, къ осени того же года, говорятъ, этой мѣстности пришлось перенести все ужасы жестокаго террора, проявленнаго предсѣдательницей чрезвычайной комиссіи, видимо извращенной садисткой, еврейкой по фамиліи, кажется, Бошъ. Она такъ звѣрствовала, что самъ Троцкій обратилъ на нее вниманіе и отозвалъ ее оттуда.

Пензенскій кружокъ оказался довольно незначительнымъ и особенно страдалъ изъ за отсутствія денежныхъ средствъ, но имѣлъ хорошія связи съ окружающими губерніями, организовалъ въ свое время ячейки, помѣщая ихъ въ различные продовольственные отряды и части милиціи, имѣлъ связь съ крѣпкими крестьянами. При наступленіи арміи съ Дона эта мѣстность должна была играть роль плацдарма передъ Волгой и казачьими войсками, кои въ Оренбургѣ организовывалъ атаманъ Дутовъ, а на Уралѣ генераль Мартыновъ, мобилизовавшій своихъ казаковъ, и не допустившій туда большевиковъ.

Однимъ словомъ, работа вездѣ шла, и она могла бы принести существенную помощь, если бы добровольческая армія была въ состояніи перейти въ наступленіе. Однако, этого не произошло, деньги, которыя обѣщали дать французы, даны не были.

Путешествіе, которое мнѣ тогда пришлось совершить по желѣзнымъ дорогамъ, было почти невообразимымъ. Не говоря уже о разбитыхъ окнахъ и дверяхъ, опозданіи поѣздовъ на $\frac{1}{2}$ сутокъ и болѣе, страшномъ холодѣ въ теплушкахъ вслѣдствіе отсутствія печей и дровъ, что то неопишуемое творилось изъ за огромнаго наплыва пассажировъ.

По направленію къ Волгѣ тянулись тогда солдаты съ Кавказскаго фронта. Вслѣдствіе дальности разстоянія, непроезжистости желѣзныхъ дорогъ по Кавказу, они отъ Батума и Трапезунда ѣхали до Новороссійска моремъ. Выгрузившись тамъ, имъ приходилось или дожидаться безъ конца очереди, или проѣзжать съ немовѣрными трудностями черезъ мѣста, гдѣ шли бои казаковъ съ красной гвардіей. Путь у Ростова тогда былъ мѣстами разрушенъ и потому возвращающимся домой солдатамъ приходилось ѣхать окружнымъ путемъ черезъ Царицынъ, что ихъ очень задерживало.

Настроеніе солдатъ, я бы сказалъ, было довольно спокойное и не столь большевистское, какъ у солдатъ съ западнаго фронта. Но рассказы ихъ о распродажѣ полковаго и казеннаго имущества и запасовъ съ присвоеніемъ денегъ въ свою пользу — были по истинѣ потрясающими. Между прочимъ, они говорили, какъ они погрузили на пароходъ гдѣ то на Анатолійскомъ берегу нѣсколько тысячъ пудовъ муки и сахару изъ своихъ полковыхъ запасовъ для продажи ихъ въ Россіи, гдѣ цѣна на эти продукты была выше, и по уговору съ матросами военнаго транспорта, на которомъ они шли, грузъ долженъ былъ быть между ними подѣленъ. Однако, когда они дошли до мѣста назначенія, матросы отказались признать договоръ и, высадивъ солдатъ на берегъ, груза имъ не выдали, а увезли его куда то еще въ другое мѣсто, гдѣ думали получить еще большую прибыль.

Часть уцѣлѣвшихъ винтовокъ, которыя по приказанію Троцкаго должны были быть оставлены на рукахъ солдатъ, продавались ими на узловыхъ станціяхъ. Покупатели находились, плата въ это время колебалась отъ 25 до 40 рублей за штуку. Настроеніе, повторяю, у большинства

солдаты, въ особенности, у запасныхъ, было довольно миролюбивое и стремились они лишь домой.

Зато, попавъ случайно въ вагонъ 4-го класса, который былъ полонъ возвращающимися делегатами съ крестьянскаго съѣзда, я получилъ совершенно другое впечатлѣніе. Это было что то невозможное! Видно было, что люди наэлектризованы до послѣдней степени руководителями съѣзда и возвращаются они какъ настоящіе разсадники большевизма.

У этихъ людей все спуталось въ головѣ, для нихъ всѣ міровые вопросы были ясны и рѣшались они весьма просто. Съ этими надо было быть осторожнымъ, ибо неудачная фраза могла повести къ тому, чтобы быть выкинутымъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, за дверь вагона.

Въ это время проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ разрѣшался еще безпрепятственно. Билеты выдавались свободно, мѣшечники преслѣдовались мало, и ими, и солдатами поѣзда были переполнены. Тогда только впервые появилась на станціяхъ желѣзно-дорожная милиція, старавшаяся проявлять свою дѣятельность, не давая публикѣ спать на вокзалахъ и т. д. Но мѣстами уже началось воспрещеніе вывоза съѣстныхъ припасовъ въ багажѣ и требовалось имѣть разрѣшеніе отъ станціоннаго продовольственнаго комиссара.

Въ своихъ разъѣздахъ въ концѣ марта мѣсяца я столкнулся по линіи Рязано-Уральской желѣзной дороги съ чехо-словацкими войсками, тянувшимися черезъ Самару на Востокъ. Видъ былъ у нихъ хорошій, дисциплинированный, и они разительнo отличались отъ растерзанныхъ нашихъ солдатъ, оставшихся еще до того времени по гарнизонамъ.

По дорогѣ и на станціяхъ я слыхалъ, что появленіе ихъ въ этихъ мѣстахъ произвело на мѣстныхъ крестьянъ потрясающее впечатлѣніе и тотчасъ же разнесся слухъ, что пришли нѣмцы для возстановленія порядка. Это сразу сбавило у всѣхъ тонъ.

Нѣкоторыя мѣстныя организациі пытались войти въ контактъ тогда же, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, съ чешскимъ командованіемъ и начальникомъ ихъ корпуса генераломъ русской службы — Шохоръ-Троцкимъ, но изъ этого ничего не вышло, ибо чехи отказывались отъ переговоровъ, ссылаясь на объявленный ими нейтралитетъ и на то, что они находятся въ зависимости отъ французскаго правительства, которое предполагаетъ ихъ отправить на западный фронтъ во Францію. На роли чехо-словаковъ я еще останавлиюсь дальше.

Вернувшись въ Москву, я доложилъ Комитету организаций о мною видѣнномъ и сдѣланномъ.

Въ политическихъ кругахъ раздавались тогда разсужденія объ ориентаціяхъ, т. е. на чью помощь надо Россіи базироваться (Антанты или Германіи) для возстановленія государственности въ странѣ, ибо ясно ужъ тогда стало, что русскимъ внутреннимъ силамъ съ этимъ справиться нѣтъ возможности.

Надѣявшіеся на помощь Германіи, какъ въ виду ея географической близости, такъ и въ виду ея нужды въ нашемъ сырьѣ, называли себя «реальными политиками» и считали необходимымъ завести съ ней переговоры или во всякомъ случаѣ прозондировать эту возможность (это фактически и было сдѣлано). Они считали, что германскія войска, стоявшія тогда въ Псковѣ и подъ Смоленскомъ, могутъ легко, съ силой одного лишь корпуса, подойти

къ обѣимъ столицамъ и помочь водворить твердую власть. Но для этого нужно было, чтобы Берлинъ порвалъ съ большевиками и понялъ, что ему не по пути съ ними, а надо мириться и искать сближенія съ русскими государственными элементами. При этомъ Германія должна была опредѣленно признать, какъ базу, слѣдующія условія: 1) оказаніе реальной помощи въ сверженіи большевистской власти, 2) полное аннулированіе Брестъ-Литовскаго мира и 3) предоставленіе Россіи самой установить себѣ образъ правленія.

Необходимость обратиться къ помощи Германіи политическіе дѣятели видѣли въ томъ, что веденные до того времени переговоры съ Антантой реальныхъ успѣховъ не достигали, главнымъ образомъ, оттого, что Антанта не понимала сущности большевизма и, на примѣръ, представитель С. А. Штатовъ — сэръ Фрэнсисъ давалъ своему правительству такую картину о положеніи Россіи, что ясно было, что онъ совершенно не отдаетъ себѣ отчета въ происходящемъ. Это вліяло и на рѣшеніе Франціи придти на помощь генералу Алексѣеву денежной субсидіей, что тормозило дѣло съ организаціей Добровольческой Арміи, и заставляло только по напрасну терять время.

Противники же этой постановки вопроса исходили изъ того мнѣнія, что Антанта продолжала быть нашей союзницей и что вести дѣло съ Германіей, заставившей принять позорныя условія Брестъ-Литовскаго мира — невозможно, и порывать съ Антантой для Германіи, искренности желанія которой возстановить Россію нельзя было вѣрить, было бы нецѣлесообразно.

Вопросъ оставался въ стадіи «академическихъ разсужденій» и обострился болѣе къ началу лѣта того же года, къ какому времени и относится знаменитое письмо Милюкова, написанное имъ изъ Украйны. Разногласіе между членами организацій повело къ выходу группы лицъ, присвоившихъ себѣ названіе «Національнаго центра». Не касаясь политической платформы этихъ группъ или объединеній, могу лишь указать, что они шли подъ лозунгомъ неизбежности активнаго, насильственнаго сверженія коммунистической, террористической власти Совѣтовъ.

Москва обвиняла нѣмецкихъ дипломатовъ, не желавшихъ идти на переговоры съ анти-большевистскими элементами.

Подѣлившись добытымъ мной, я разсказалъ о появившемся чехословацкомъ корпусѣ, и тутъ же начались попытки договориться съ французами, которые, однако, что то медлили, обѣщали снестись съ Парижемъ и т. д. Въ общемъ, въ тотъ моментъ мы не смогли добиться ничего реального.

А жаль! Уже въ это время чехи могли сыграть роль, а этимъ выиграно было бы 2 мѣсяца, а за 2 мѣсяца красная армія, съ легкой руки генерала Шварца, положившаго ея основаніе, сдѣлала много успѣховъ. Намъ казалось тогда заманчивымъ остановить чеховъ, появившихся главнымъ своимъ эшелономъ въ Самарѣ, захватить въ свои руки губерніи (Самарскую, Пензенскую Саратовскую и часть Симбирской) и положить этимъ начало помощи Донской арміи, опираясь на Заволжье съ ея Уральскими и Оренбургскими казаками. Прельщало насъ еще то, что въ Пензѣ, ввиду угрозы нѣмцевъ Петрограду, была эвакуирована часть Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, а имѣть сразу аппаратъ, печатающій

деньги, и получить заготовленный уже запас было болѣе чѣмъ важно, и, главное, легко осуществимо: развернуться можно было бы шутя.

Однако, все это разбилося о непониманіе обстановки союзниками, да и наши круги дѣйствовали не достаточно энергично, не дерзали, — чѣмъ такъ сильны всегда большевики.

Къ концу апрѣля я уѣхалъ изъ Москвы и поселился у своихъ родственниковъ въ имѣніи Саратовской губерніи, гдѣ, хотя все уже было давно отобрано крестьянами, но была возможность оставаться жить въ домѣ и гдѣ хозяева обрабатывали землю своими руками. Для хозяйства было оставлено еще старымъ комитетомъ 2 лошади, телѣга безъ колесъ и одинъ большой экипажъ. Остальное все было продано, кончая послѣдней курицей, еще при Черновѣ съ аукціона сельскимъ комитетомъ на глазахъ у хозяевъ; деньги же подѣлены между крестьянами. Въ домѣ на имущество была составлена опись, часть обстановки снесена въ отдѣльное помѣщеніе и на двери наложена печать, дабы нельзя было расхитить «народнаго достоянія». Но жить пока все же разрѣшалось. Не желая служить у большевиковъ и принимать участіе въ ихъ работѣ, я предпочиталъ лучше заниматься личнымъ трудомъ и обрабатывать своими руками землю.

Мужчинъ въ домѣ не было и потому моя помощь была кетати, тѣмъ болѣе, что я сельское хозяйство зналъ хорошо. Временами я уѣзжалъ въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ, почему имѣлъ возможность наблюдать за происходящимъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и слѣдить за работой нашихъ организацій, принимая въ нихъ посильное участіе. Газеты въ то время приходили довольно аккуратно.

Деревня въ это время повсемѣстно додѣливала растащенное, нажитое не однимъ поколѣніемъ добро, но оставшихся единичныхъ къ этому времени помѣщиковъ не трогала, не являлась, какъ это было въ предшествующій періодъ, и днемъ, и ночью съ требованіями, и переходила въ лицѣ своихъ комбѣдовъ и комитетовъ на борьбу съ такъ называемыми кулаками и болѣе зажиточнымъ крестьянствомъ.

На отношеніе ко мнѣ крестьянства я жаловаться не могу, они видѣли, что я справляюсь съ полевыми работами удовлетворительно и потому обвиненій въ дармоѣдствѣ не заслуживаю. Но лучше расположенные крестьяне побаивались обвиненія со стороны своихъ руководителей, а также и уѣзднаго начальства въ дружбѣ съ помѣщиками, почему не препятствовали проявленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ опеки выражавшейся въ разслѣдованіи, зачѣмъ пошла лошадь на станцію безъ разрѣшенія сельскаго совѣта, а также въ требованіи отвода мнѣ земли по жребію наравнѣ со всѣми односельчанами и при томъ непременно въ разныхъ участкахъ, по лоскутамъ. Это все, конечно, надоѣдало, тѣмъ болѣе, что при безтолковости, на ожиданіе рѣшенія уходило масса времени. Вообще, кому не приходилось имѣть дѣло съ общиннымъ хозяйствомъ, тотъ не можетъ понять, что это за нелѣпая и стѣснительная на каждомъ шагу зависимость.

Красноармейцы въ село наѣзжали рѣдко, но успѣли надоѣсть и тогда ужъ крестьянству, какъ вообще и все совѣтское правительство, почему не рѣдко можно было услышать чаянія и ожиданія прихода чеховъ или Дутова, о которыхъ въ этихъ мѣстахъ доходили слухи.

* * *

Перехожу теперь къ описанію образованія восточнаго фронта, сыгравшаго затѣмъ такую серьезную роль во всемъ анти-большевистскомъ движеніи въ Россіи.

Моментомъ образованія восточно-большевистскаго фронта является занятіе чехо-словаками средней Волги съ городами Сызранью, Самарой, Уфой, когда былъ отрѣзанъ востокъ отъ центра Россіи. Эти событія относятся къ началу іюня мѣсяца 1918 года. Они имѣли огромное значеніе въ томъ отношеніи, что способствовали развитію борьбы съ большевиками въ отрѣзанныхъ отъ центра Россіи районахъ; и накоплявшіяся до этого анти-большевистскія силы въ Сибири получили возможность вылиться въ формы, годныя для борьбы съ большевизмомъ.

Появленіе чехо-словацкихъ войскъ въ Приволжскихъ губерніяхъ относится, какъ я уже указывалъ, къ первой половинѣ марта 18 года и появленіе ихъ въ этой мѣстности объясняется осуществленіемъ договора ихъ команднаго состава съ совѣтской властью, по которому чехо-словацкій корпусъ, начало формированія котораго относится еще къ дореволюціонному періоду и насчитывавшій при появленіи его на Волгѣ до 60 000 человекъ, долженъ былъ быть эвакуированъ въ Чехію черезъ Сибирь.

По первоначальному плану, эвакуація должна была быть произведена черезъ Архангельскъ, по какія то осложненія, а, можетъ быть, и всегдашняя путанность и нерѣшительность въ союзническихъ дѣйствіяхъ помѣшали приведенію этого плана въ исполненіе, почему чехи изъ предѣловъ Украйны были направлены къ Волгѣ. Эвакуація производилась съ большими затрудненіями, какъ изъ за возникновенія различныхъ препятствій, чинимыхъ чехамъ комиссарами, требовавшими отдачи оружія, снаряженія, аэроплановъ и т. д., такъ и вслѣдствіе малой пропускной способности желѣзныхъ дорогъ, которыя, какъ напр. Самаро-Златоустовская, могли пропускать лишь по 1 эшелону въ сутки.

Однако, не смотря на все это, чехи постепенно продвигались и къ 20 числамъ мая по новому стилю головные эшелоны уже достигали Челябинска, хвостъ же ихъ подходилъ къ городу Балашову, стоящему на Ряз. Уральской жел. дор. Независимо отъ этого, небольшой отрядъ находился въ Забайкальѣ.

Но къ этому времени отношеніе совѣтской власти къ чехамъ, по настоянію германскаго посла въ Москвѣ гр. Мирбаха, стало проявляться все въ болѣе и болѣе настойчивомъ требованіи пріостановки ихъ передвиженія и разоруженія. Повидимому, Мирбахъ, по указанію изъ Берлина, долженъ былъ препятствовать усиленію союзной арміи чехо-словацкимъ корпусомъ и потому задачей его было остановить корпусъ въ предѣлахъ Россіи, разоружить его, а личный составъ перевести на положеніе военно-плѣнныхъ. Уступчивость чеховъ, проявленная ими въ началѣ весны въ центральныхъ губерніяхъ и приведшая къ отдачѣ части своего оружія, прекратилась, и они стали выказывать явное желаніе не подчиняться.

Тогда изъ Москвы было отдано распоряженіе отобрать оружіе силой, и въ городѣ Пензѣ, гдѣ въ это время ихъ находилось около 4 тысячъ, послѣ безрезультатныхъ уговоровъ мѣстнаго комиссара, былъ посланъ большевиками отрядъ мадьяръ для приведенія московскаго приказа въ исполненіе. Послѣднее обстоятельство страшно возмутило чеховъ, появленіе мадьяръ оскорбило ихъ національное достоинство, и солдаты

потребовали у своего командованія дать отпоръ. 20-го мая большевики открыли изъ орудій огонь по поѣздамъ, чехи же начали подтягивать свои отставшіе эшелоны, выдержавшіе за это время тоже бой около ст. Ртищево Рязанско-Уральской жел. дороги. Не надѣясь удержать городъ въ своихъ рукахъ, ввиду высылки краснымъ командованіемъ изъ Москвы тяжелой артиллеріи и войскъ, они черезъ 3 дня оставили Пензу и ушли на востокъ, гдѣ въ это время шли бои у Самары и Уфы.

Создавшееся положеніе вызвало у большевистскихъ комиссаровъ страшную панику. Они, какъ мнѣ говорили очевидцы, видимо, совершенно не ожидали быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій со стороны чешскаго командованія, а также не предвидѣли и не рассчитали неспособности своихъ частей оказывать сопротивление; небоеспособность же ихъ дѣйствительно оказалось феноменальной. Потери чеховъ за этотъ бой выразились что то цифрой около полутора десятка, тогда какъ у красныхъ она достигала болѣе полутораста человекъ, въ числѣ коихъ попало и нѣсколько комиссаровъ.

Мѣстный совѣтъ обратился съ воззваніемъ за помощью къ населенію, призывая его стать на защиту крестьянскаго и рабочаго правительства.

Но отношеніе крестьянъ было самое отрицательное или въ лучшемъ случаѣ — выжидательное. Часть сель просто отказалась дать помощь, часть же, послѣ долгихъ обсужденій, рѣшила послать ходочковъ узнать, какъ обстоитъ на самомъ дѣлѣ дѣло. Испугали еще крестьянъ прибѣжавшіе изъ города односельчане, служившіе въ красной арміи, дезертировавшіе во время паники и рассказывавшіе различные ужасы о происшедшемъ боѣ: будто бы, часть города сравнена съ землей и т. д. Комиссаровъ, удиравшихъ на поѣздахъ, провожали по дорогѣ на станціяхъ со свистомъ и улюлюканіемъ.

То, что дѣлалось въ освобожденныхъ чехами городахъ, какъ напр. въ Пензѣ, Сердобскѣ, Кузнецкѣ, Сызрани нельзя себѣ и представить. Всѣ облегченно вздохнули, чувствовали себя какъ на Свѣтломъ Праздникѣ.

Въ городахъ собрались немедленно думы выборовъ временъ Керенскаго. Но въ Пензѣ, напримѣръ, открыто взять на себя власть опасались, ограничиваясь лишь спеціальной работой, организаціей продовольственной помощи или милиціи, словомъ той, безъ которой обойтись нельзя было. Это происходило оттого, что чехи предупредили, что они остаются въ городѣ не предполагаютъ изъ за военныхъ соображеній, но думаютъ все же скоро вернуться. Однако, побывать имъ въ этой мѣстности больше не было суждено.

Отойдя по Сызрано-Вяземской жел. дорогѣ по направленію на Сызрань, которая въ это время уже была въ ихъ рукахъ, они остановились примѣрно верстахъ въ 70 отъ Волги.

Самара, получивъ соотвѣтствующее распоряженіе изъ Москвы объ обезоруженіи чешскаго корпуса, пробовала тоже сопротивляться, но гарнизонъ ея былъ на голову разбитъ. Чехи начали обстрѣливать городъ, затѣмъ, сдѣлавъ видъ, что отступаютъ, неожиданно отрѣзали красныхъ отъ города и загнали ихъ въ рѣчку Самарку. Поднявшееся въ это время въ Самарѣ возстаніе помогло освобожденію города. Часть комиссаровъ была растерзана разсвирѣпѣвшей толпой, при чемъ ловили и спасшихся изъ воды красныхъ, вбѣгавшихъ въ городъ голыми.

Зато въ городахъ, оставленныхъ чехами, водворившимися назадъ большевиками былъ учиненъ судъ и расправа надъ всѣми горожанами, такъ или иначе проявившими симпатію къ чехамъ. Такъ, напримѣръ, буфетчикъ одного изъ вокзаловъ въ Пензѣ отсидѣлъ подъ арестомъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ за то, что далъ какому то чеху напитокъ чаю. Павшіе во время боя красноармейцы были торжественно похоронены, какъ жертвы контръ-революціи, при чемъ жители подъ угрозой обвиненія въ сочувствіи чехамъ должны были присутствовать на этомъ торжествѣ.

Послѣ освобожденія Самары отъ большевиковъ, тамъ начала организовываться народная армія, мобилизуя офицеровъ и призывая добровольцевъ. Приблизительно черезъ мѣсяць палъ Симбирскъ, а вскорѣ и Рязань. Внизъ по Волгѣ очищенъ былъ Хвалынскъ, а также и Вольскъ, въ которомъ при приближеніи бѣлыхъ произошло офицерское возстаніе. Въ теченіе лѣта были полностью очищены мѣстности къ востоку отъ Самары, взята Уфа, Екатеринбургъ, Челябинскъ. Одновременно шли бои и въ Западной Сибири, и въ Забайкальи, и на Дальнемъ Востокѣ. Въ особенности стоило много трудовъ очищеніе отъ красныхъ Байкальскаго раіона, гдѣ, благодаря горной мѣстности, они долго оказывали сопротивленіе, сильно разрушивъ Кругобайкальскую жел. дорогу. Все же, къ концу августа желѣзная дорога была отъ красныхъ очищена и Владивостокъ съ Самарой соединился.

Какъ я указалъ выше, я жилъ въ это время въ деревнѣ. Жилось тамъ сравнительно спокойно и рассчитывали на скорое приближеніе чеховъ, къ чему было полное основаніе, ибо красные отскакивали съ невѣроятной легкостью и быстротой, оставляя нейтральную зону въ 50 и болѣе верстъ.

Какъ то въ іюлѣ мѣсяцѣ красная печать оповѣстила, что большевиками взята Сызрань, черезъ 2 дня появилось по Сызранской ж. д. много раненыхъ и оказалось, что чехи, заманивъ большевиковъ, вновь перешли въ небольшое наступленіе, при которомъ Кузнецкъ, находившійся на поль-пути между Сызранью и Пензой, былъ красными очищенъ, хотя чехи и не думали къ нему подходить. Пенза же стала экстренно эвакуироваться, для чего большевики пользовались ночами, въ теченіе которыхъ выходъ на улицу запрещался.

Бои конечно шли преимущественно по линіямъ жел. дорогъ, фронтъ же обозначался лишь развѣдочными отрядами, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Внутренняя политика совѣтовъ къ этому времени выражалась въ учрежденіи по деревнямъ комитетовъ бѣдноты, въ стремленіи черезъ продовольственные комитеты получить оставшіяся отъ помѣщиковъ хлѣбъ, въ реквизиціяхъ у городского населенія продовольственныхъ запасовъ. Въ составы комитетовъ бѣдноты, однако, не попадали одни лишь бѣдняки, какъ это проектировалось декретами, крестьяне ухитрялись зачастую ставить туда средняковъ. Вообще же, власть чувствовала себя, по крайней мѣрѣ въ прифронтной полосѣ, весьма не прочно. Изъ городовъ и со станцій эвакуированы были всѣ запасы и подвижной составъ, а комиссары въ городахъ неоднократно были на готовѣ къ бѣгству, для чего всегда держались паровозы подъ парами.

Однако, видя, что чехи не наступаютъ, что донская армія, взявъ Новохоперскъ, на Балашовъ не двигается, большевики постепенно начали

успокаиваться и чувствовать себя увѣреннѣе и къ концу іюля стали появляться симптомы болѣе агрессивной дѣятельности, и въ связи съ этимъ по городамъ Россіи начались требованія различныхъ регистрацій, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, между прочимъ, судейскихъ чиновъ; была также объявлена офицерская мобилизація.

Таковы были, повидимому, заданія изъ центра.

Все это кончилось появленіемъ по всѣмъ уѣзднымъ городамъ особыхъ чрезвычайныхъ комиссій по борьбѣ съ контръ-революціей, состоявшихъ изъ петроградскихъ и московскихъ рабочихъ. Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я былъ, во главѣ ея стоялъ мѣстный молодой еврей, а въ помощь ему даны были два петроградскихъ рабочихъ. Пріѣхавъ на мѣсто, эта комиссія сразу произвела аресты самыхъ видныхъ людей въ городѣ, при чемъ въ началѣ ограничивались только задержаніемъ болѣе извѣстныхъ своей предыдущей дѣятельностью на общественномъ поприщѣ и потому, повидимому, казавшихся имъ болѣе строптивыми.

Это происходило до раненія Ленина и убійства Урицкаго. Эти два эпизода узаконили борьбу съ контръ-революціей, и тутъ же съ объявленіемъ террора началась вакханалія, не поддающаяся описанію и казавшаяся въ то время мирному русскому обывателю невыносимой. Въ городахъ хватили въ ночь по нѣскольку десятковъ человѣкъ сразу, преимущественно офицеровъ, чиновниковъ, промышленниковъ; на мѣста же была разослана телеграмма съ приказомъ волостнымъ совѣтамъ немедленно арестовать всѣхъ б. офицеровъ, помѣщиковъ, кулаковъ, б. полицейскихъ чиновъ, священниковъ и вообще всѣхъ контръ-революціонеровъ съ угрозой въ случаѣ неисполненія этого приказа — предать составы волостныхъ совѣтовъ суду трибуналовъ. Фраза, упоминающая о контръ-революціонерахъ, могла трактоваться весьма свободно и подъ это понятіе могъ подойти всякій и каждый, и потому ждать добра не приходилось.

Я лично въ это время былъ уже на чеку, чуть не попался за нѣкоторое время до этого на одной изъ станцій жел. дороги, гдѣ былъ случайно проѣздомъ и избѣгъ ареста лишь благодаря пьяному комиссару изъ мѣстныхъ хулигановъ, который, вмѣсто того чтобы задержать меня сразу, какъ это вѣроятно ему полагалось, пошелъ съ кѣмъ то совѣтоваться и сноситься по телеграфу, какъ со мной поступить. Я воспользовался удобнымъ моментомъ и скрылся со станціи.

Мѣры предосторожности были не излишни; черезъ нѣсколько дней послѣ инцидента на станціи, примѣрно дней черезъ 7—8 (это было 25 августа по старому стилю), къ усадьбѣ, въ которой я жилъ, подѣхали неожиданно вечеромъ двое членовъ мѣстнаго волостного совѣта съ цѣлью меня арестовать. Сообразивъ, что ихъ пріѣздъ не проста, я выскочилъ въ садъ черезъ окно. Узнавъ, что я въ отсутствіи, одинъ изъ совдепчиковъ высказалъ извѣстное удовлетвореніе по этому поводу: дескать, имъ самимъ непріятно участвовать въ такомъ «конфузномъ дѣлѣ», но должны подчиняться, боясь отвѣтственности. И они отправились арестовывать другихъ лицъ, кои значились у нихъ въ спискахъ.

Оставаться нельзя было, все равно, мое присутствіе было бы обнаружено кѣмъ-нибудь изъ сельской молодежи большевистскаго толка, находящихся въ связи съ уѣзднымъ совѣтомъ.

Какъ оказалось впоследствии, вся первая партія арестованныхъ въ уѣздномъ городѣ была звѣрски собственноручно разстрѣляна пріѣхавшей комиссіей; и у меня не было никакихъ основаній дѣлать себѣ иллюзіи, что мнѣ удалось бы выскочить изъ этой исторіи.

Что касается арестованныхъ сельскихъ кулаковъ, то за нихъ повсемѣстно начали заступаться мѣстные сходы, которые выносили удостовѣрительные приговоры, что эти люди не являются кулаками и паразитами; словомъ, появилась защита въ своихъ же кругахъ, которая въ большинствѣ случаевъ и увѣнчивалась успѣхомъ благодаря тому, что списки контрреволюціонеровъ въ концѣ концовъ составлялись своей же волостью, гдѣ сидѣли, конечно, свои люди. При этомъ нужно отмѣтить, что чѣмъ данная деревня находилась дальше отъ своего уѣзднаго города или мѣстечка, гдѣ хозяйничали пріѣзжіе коммунисты, тѣмъ волостная власть была мягче, менѣе подчинялась.

Теперь мнѣ оставалось рѣшить вопросъ, куда идти? У меня былъ фальшивый паспортъ, приготовленный на всякій случай заранѣе и до 600 рублей въ карманѣ, но это была слишкомъ небольшая сумма, чтобы на нее можно было долго продержаться. Я рѣшился перейти въ другой уѣздъ, гдѣ у меня былъ знакомый священникъ и гдѣ меня не знали. Я все время придерживался того взгляда, что организаціи разсыпаться не слѣдуетъ: мы несравненно больше могли принести пользы, поддерживавъ наступленіе внутреннимъ возстаніемъ, и, будучи въ связи съ жел.-дорожниками, могли захватить подвижной составъ и не дать вывезти запасы изъ этого района, а тутъ мѣстами были запасы нефти, которые были очень нужны и для населенія.

Рѣшивъ двигаться, я взялъ смѣну бѣлья въ солдатскій мѣшокъ за спину и отправился въ путь.

Проживъ 2 дня въ безопасности въ другомъ уѣздѣ, я убѣдился, что ничего хорошаго не выясняется; начали появляться изъ мѣстнаго уѣзднаго города спасавшіеся отъ пріѣхавшей тоже и туда чрезвычайной комиссіи.

Бѣжали люди самыхъ различныхъ профессій: были учителя — служившіе на войнѣ прапорщиками, были лавочники, бѣжали купцы, чиновники, быв. полицейскіе, агрономы и другіе интеллигентные и полунинтеллигентные люди. Все это стремилось либо къ чехамъ, либо въ болѣе глухія мѣста въ надеждѣ пережить первый шквалъ.

Убѣдившись, что есть арестованные и среди близкихъ мнѣ по конспиративной работѣ людей, что организація разгромлена и что фактически дѣло наше пропало и помощи оказать нельзя, я, уведомивъ друзей, рѣшился идти къ чехамъ, фронтъ которыхъ былъ отъ меня по прямой линіи верстахъ въ 350. Направившись на востокъ, я шелъ въ полной увѣренности, что иду не надолго; все такъ говорило за успѣхъ бѣлаго дѣла, всѣмъ такъ ненавистенъ былъ красный режимъ и такимъ бессмысленнымъ и уродливымъ онъ казался по своему существу и основаніямъ, что тянуть его, казалось, нѣтъ никакой возможности. Да и логика, и обѣщанія союзниковъ о необходимости возстановить на Волгѣ противонѣмецкій фронтъ въ виду связи Германіи съ большевиками были такъ убѣдительны.

Однако, всѣ надежды обманули.

Сперва я шелъ по довольно знакомой мнѣ мѣстности, заходя къ извѣстнымъ мнѣ хуторянамъ, мелкимъ землевладѣльцамъ, мельникамъ,

которые давали мнѣ рекомендаціи и направляли къ своимъ роднымъ и пріятелямъ. Тогда большинство изъ нихъ еще сидѣло на мѣстахъ, но въ послѣдствіи много и изъ нихъ погибло, сидя въ тюрьмахъ за неуплату контрибуцій. Всѣ эти люди входили въ мое положеніе, способствовали всѣми силами, давали совѣты, указанія. Мѣстность, по которой я шелъ, была довольно глухой, я избѣгалъ большихъ дорогъ, проѣзжихъ или торговыхъ селъ, хотя это, конечно, удлиняло значительно путь, но зато давало возможность идти, гдѣ терроръ еще не успѣлъ проявиться. По дорогѣ мнѣ называли и другихъ лицъ, бѣжавшихъ тѣми же днями по тому же направленію.

Общее мое впечатлѣніе отъ соприкосновенія не только съ сельской буржуазіей, но и вообще съ населеніемъ, попадавшимъ мнѣ по дорогамъ и селамъ, выражалось въ опредѣленномъ недовольствѣ совѣтскимъ режимомъ. То, что власть перешла въ руки болѣе бѣдныхъ крестьянъ и молодежи, вызывало извѣстный протестъ. Вѣдь въ большинствѣ случаевъ бѣдными въ селахъ являются неудачники въ хозяйствѣ или пьяницы и лодари. Неудачники вслѣдствіи несчастій не являются подходящими для руководства совѣтами, въ большинствѣ случаевъ они тихіе и скромные мужики. Плохой же хозяинъ, лодырь, уваженіемъ села не пользуется, хотя временно онъ и можетъ выплыть на поверхность.

Ближе къ фронту, можно было услышать разговоры о различныхъ боевыхъ дѣйствіяхъ; населеніе было въ курсѣ дѣла происходящихъ столкновеній, знало линію фронта.

Тутъ пришлось услышать много разказовъ о преслѣдованіи священниковъ со стороны красныхъ, въ связи съ борьбой и преслѣдованіемъ лицъ, сочувствующихъ бѣлогвардейцамъ. Эти разказы имѣли повидимому одни и тѣ же основанія и молва шла изъ устъ въ уста, повторяя тѣ же случаи. У меня еще и сейчасъ на памяти разказъ, какъ къ діакону какого то села близъ ст. Барынь Моск. Казанской жел. дороги пришли вечеромъ какіе то люди и, назвавшись бѣлыми, попросились у него переночевать. Діаконъ этотъ, узнавъ, что его гости бѣлые, съ удовольствіемъ впустилъ къ себѣ, началъ угощать, сказавъ, что для нихъ у него хватитъ провизіи хоть на цѣлую недѣлю. Черезъ нѣкоторое время вновь послышался въ окно стукъ и, опасаясь за своихъ гостей, діаконъ спряталъ ихъ подъ полъ. Отъ пришедшихъ онъ скрылъ присутствіе находящейся компаніи, но тѣ вдругъ появились и заявили, что они красные и тутъ же, выведя на дворъ діакона, разстрѣляли его за сочувствіе бѣлогвардейцамъ.

Пройти эти 350 верстъ пришлось по Пензенской и Симбирской губерніямъ. У линіи фронта мнѣ стали попадаться подводы, а иногда и цѣлые обозы, шедшіе изъ Сызрани и обратно съ товаромъ и продовольствіемъ. Въ Сызрань везли преимущественно табакъ, производства котораго на Волгѣ нѣтъ, а обратно везли изъ чехословацкаго района соль и керосинъ, въ которомъ тутъ ощущался острый недостатокъ. Къ этому времени, т. е. къ началу сентября по ст. ст., пропускъ черезъ фронтъ былъ свободенъ.

Однако, когда я подошелъ къ линіи, положеніе неожиданно обострилось. Еще по дорогѣ я услышалъ разговоры о полученныхъ въ волостяхъ свѣдѣніяхъ, что Симбирскъ и Казань пали и, хотя это извѣстіе казалось невѣроятнымъ въ силу тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на чеховъ, тѣмъ не менѣе приходилось вѣрить.

Послѣднюю часть пути я шелъ съ попутчиками, какими то рязанскими мужиками и бабой, пробиравшимися въ Сибирь къ родственникамъ, ближе къ хлѣбу. Одинъ изъ нихъ старикъ, прожившій въ Петроградѣ въ качествѣ приказчика въ зеленой на Сѣнной площади и купившій послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда гдѣ то домъ за Вырицей, никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что большевики реквизируютъ у него этотъ домъ, а его изъ него выгнали. Съ этими спутниками мы случайно встрѣтились по дорогѣ и наняли шедшую въ Сызрань за солью подводку съ тѣмъ, чтобы иногда подсаживаться на телѣгу, но по пескамъ и въ гору былъ уговоръ идти пѣшкомъ.

За нѣсколько десятковъ верстъ до послѣдней деревни, находившейся въ то время въ рукахъ красныхъ, мы справлялись у встрѣчающихся относительно возможности проѣхать въ Сызрань и получали неизмѣнный отвѣтъ, «идите смѣло, никакой задержки по пути нѣтъ».

Однако, при въѣздѣ въ это послѣднее село, за которымъ уже въ 12 верстахъ находились чехи, насъ неожиданно задержалъ разъѣздъ, только что въѣхавшій въ деревню. Послѣ короткаго разговора, осмотра паспортовъ, убѣдившись, что оружія нѣтъ, задержавшій насъ рослый красноармеецъ, повидимому латышъ, разрѣшилъ идти дальше.

Обрадовавшись, мы все уѣли на подводку и поѣхали рысью, надеясь до ночи проскочить фронтъ.

Но не тутъ то было.

При поворотѣ въ переулокъ, мы увидали, какъ какія то тѣни замаякали въ окнѣ углового дома и затѣмъ выбѣжавшій на дорогу красноармеецъ приказалъ намъ вслѣдъ остановиться.

Пришлось подчиниться, ибо чувствовалось, что шутить не будутъ. Тогда подошли къ намъ человекъ пять вооруженныхъ «товарищей», и одинъ изъ нихъ въ бѣлой папахѣ, на видъ совершенно молодой, съ удивительно ясными голубыми глазами, принялся насъ допрашивать, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ, кто мы такіе и. т. д. Послѣ предварительнаго вопроса, который онъ велъ въ весьма повышенномъ, совершенно не шедшимъ къ его дѣтскому облику, тонѣ, насъ повели въ угловую избу, гдѣ находился штабъ. Тамъ сидѣло и стояло человекъ 8—10 красноармейцевъ и ихъ начальникъ, въ гусарскихъ красныхъ чакчирахъ, началъ выслушивать докладъ насъ приведшаго. Въ докладѣ упоминалось, что въ виду полученнаго 2 дня тому назадъ приказа о запрещеніи проѣзда черезъ фронтъ, насъ надлежитъ отправить въ ближайшій штабъ отряда, находившійся въ 50 верстахъ на станціи жел. дороги, лошадь у возчика реквизировать для нуждъ арміи, телѣгу же пусть подводчикъ везетъ на себѣ. При этомъ телѣга называлась все время «повозкой», что показывало, что говорившіе были не изъ этой мѣстности. Начальникъ, однако, не долго нами занимаясь, его отвлекли вопросами фуража для лошадей, который реквизируется у крестьянъ для только что пріѣхавшаго отряда. Оказалось, что этотъ разъѣздъ въѣхалъ въ село всего за часъ до нашего появленія.

Вмѣсто начальника принялся за насъ матросъ, важно развалившійся и начавшій весь допросъ сначала. Въ концѣ концовъ, не вынеся никакой резолюціи, человекъ четыре пошли обыскивать телѣгу и наши вещи.

И имъ говорилъ, что ѣду къ семьѣ, находящейся за Волгой, показывалъ паспортъ и удостовѣреніе отъ какой то мастерской, гдѣ раньше я будто служилъ, при чемъ доказывалъ неосновательность нашей задержки, убѣждалъ, что запрещеніемъ проѣзда черезъ фронтъ они подрываютъ отношеніе къ совѣтской власти, ибо при недостаткѣ соли и керосина это запрещеніе будетъ учитываться съ недоброжелательствомъ.

Такіе разговоры были мыслимы еще въ то время!

Доводы мои въ концѣ концовъ подѣйствовали на бѣлокураго, и онъ отступился, сказавъ, что съ его стороны препятствій къ нашему пропуску нѣтъ, и онъ рѣшеніе передаетъ на усмотрѣніе товарищей. Тогда подошелъ къ намъ второй и началъ обыскъ снова, при чемъ снялъ съ меня куртку, обшарилъ карманы, выворотилъ кошелекъ, оцупалъ всего, однако, не взялъ ничего, на что онъ съ гордостью указывалъ.

Во время этого обыска слышно было, какъ одинъ изъ красноармейцевъ говорилъ другому: а, можетъ быть, и правда, что пролетарій, отпустимъ ихъ. Они вообще на меня, какъ на самого молодого, обращали вниманіе больше. А, можетъ быть, и фізіономія моя казалась имъ болѣе подозрительной.

Въ итогѣ, на четвертомъ допрашивающемъ насъ, было рѣшено въ виду поздняго времени задержать, а утромъ уже рѣшить, что дѣлать съ нами. Послѣ этого отвели насъ въ избу какого то чувашина (село оказалось чувашскимъ), гдѣ и предложили расположиться. Караульнаго не приставили, а только съ вечера раза два къ намъ понавѣдались.

Вскорѣ послѣ того какъ стемнѣло, стало слышно пѣніе со стороны штабной избы, стали раздаваться выстрѣлы, бѣшенный лай собакъ. Оказалось, красноармейцы достали самогонки и загуляли. Пѣніе продолжалось довольно долго и только начавшійся дождь загналъ гуляющую публику по избамъ.

Мнѣ, конечно, было не до сна.

Къ утру когда еще было совершенно темно, часа, вѣроятно, въ четыре, я разбудилъ своихъ спутниковъ и сталъ доказывать имъ необходимость немедленно трогаться дальше. Возница, боявшійся реквизиціи лошади, присоединился ко мнѣ и всѣ согласились.

Во избѣжаніе задержки у штаба мы рѣшили проѣхать задами, а ввиду незнанія дороги я началъ уговаривать нашего хозяина, явно несочувствовавшего краснымъ, проводить насъ до лѣса, начинавшагося верстахъ въ четырехъ отъ села. Однако, боязнь отвѣтственности заставила его наотрѣзъ отказать.

Ощущеніе сырости, незнаніе мѣстности, возможность быть вновь задержаннымъ патрулями красныхъ, было весьма непріятно. Въ каждомъ кустѣ, каждой точкѣ чернѣющей на начинающемся свѣтитесь горизонтѣ, чудился верховой.

Лошадь мы гнали, насколько могли, но, благодаря грязи, пришлось все же идти пѣшкомъ. Черезъ нѣкоторое время, уже недалеко отъ лѣса, мы нагнали какія то подводы. Это оказался довольно большой обозъ, шедшій съ бѣженцами изъ гор. Кузнецка Саратовской губерніи, откуда они бѣжали со своимъ скарбомъ ввиду происшедшаго налета на городъ анархистовъ, сопровождавшагося страшно кровавой бойней.

Все эти бѣженцы стремились на востокъ, думая найти убѣжище и безопасность у чеховъ.

Узнавъ отъ насъ, что мы вырвались отъ краснаго разъѣзда, весь этотъ обозъ, растянувшійся на порядочное разстояніе, всполошился, дремавшіе люди встрепенулись и, въ испугѣ повторяя «красные, красные», начали стегать лошадей; пассажиры спѣшились и бѣжали рядомъ съ телѣгами. Картина была до того курьезная, что, не смотря на довольно серьезное положеніе, безъ смѣха нельзя было смотрѣть на эту растянувшуюся по дорогѣ ленту лошадей телѣгъ и бѣгущихъ, съ поднятыми на голову подолами отъ шедшаго довольно сильнаго дождя, людей.

Какъ вся эта компанія проскочила мимо заставъ, одинъ Богъ знаетъ. Вѣроятно, загулявшіе съ вечера красноармейцы подъ утро крѣпко заснули и прозѣвали обозъ.

Добравшись до лѣса, тянувшагося до села, занятаго по слухамъ чехами, верстѣ на шесть, мы вздохнули свободнѣе. Тутъ уже легче намъ было спастись, свернувши въ нужный моментъ съ дороги въ чащу. Однако, опасенія оказались напрасными и мы никакихъ разъѣздовъ или дозоровъ болѣе не встрѣчали.

Въ деревнѣ, находящейся на чешской сторонѣ, тоже никакихъ дозоровъ не оказалось и только уже дальше, верстахъ въ 25 за этимъ селомъ, намъ попались двое верховыхъ съ бѣлой повязкой на рукавѣ, принадлежавшихъ къ составу народной арміи, собственно же чеховъ не было въ этомъ районѣ совсѣмъ.

Приближаясь къ Сызрани, мы видѣли въ сторонѣ линіи желѣзной дороги, какъ вышедшій броневой или просто вооруженный поѣздъ обстрѣливалъ шедшій на встрѣчу паровозъ красныхъ. Какихъ нибудь частей войскъ мы не встрѣчали по дорогѣ совершенно.

Впечатленіе было такое, что идетъ споръ за обладаніе полотномъ желѣзной дороги и занятіе или оставленіе деревень происходило исключительно по этимъ соображеніямъ. Населеніе къ бѣлымъ или, какъ оно говорило, къ «чекамъ» было благожелательно и только мѣстами говорили, что бѣлые уже нѣсколько мѣсяцевъ не платятъ добровольцамъ жалованія. За то указывалось на обиліе на Волгѣ продуктовъ, бѣлаго хлѣба, на свободную торговлю, и послѣдняя, въ особенности, казалась населенію цѣнной.

Такимъ образомъ, я добрался на 12 день на Волгу. Это было 6 сентября по старому стилю.

При въѣздѣ у насъ спросили документы, но это дѣлалось болѣе для формальности.

Вообще картина представлялась отнюдь не боевой, и жизнь во всемъ этомъ районѣ имѣла самый мирный, безразличный характеръ.

У БѢЛЫХЪ

Если прилегающая мѣстность къ Сызрани не была занята войсковыми частями и не имѣла вида театра военныхъ дѣйствій, то самъ городъ Сызрань былъ настоящимъ военнымъ лагеремъ.

Вся власть, какъ въ городѣ, такъ и на станціи желѣзной дороги, была въ рукахъ чехо-словаковъ, образовавшихъ свои штабы, комен-

датуры, контръ-развѣдки. Русскія части были въ этотъ моментъ на фронтѣ и жизнь населенія руководилась чехами.

Порядокъ въ городѣ былъ сравнительно хорошій, т. е. никакихъ, поражающихъ глаза, ненормальностей или уклоненій отъ общаго типа прежней жизни русскихъ городовъ замѣтно не было. Въ магазинахъ товары были, продажа съѣстными продуктами шла вездѣ. На базарѣ на площади, въ лавкахъ по городу, можно было видѣть и бѣлый хлѣбъ, и сливочное масло и при томъ по весьма недорогимъ цѣнамъ. Урожай 1918 года былъ очень хорошій и потому недостатка продуктовъ при свободной торговлѣ не было.

Ощущеніе возможности ходить, свободно ходить по городу, быть равноправнымъ съ другими гражданами, послѣ порядковъ Совдепѣи, было исключительно пріятное, и кто не пережилъ этого контраста между моральной подавленностью и виѣшной, хотя бы, свободой передвиженія по городу, соединенной съ чувствомъ защиты и возможностью искать ее у властей, вѣроятно, не пойметъ переживаемаго мной въ тотъ моментъ.

Но въ это время населеніе уже переживало непріятные дни, такъ какъ послѣ паденія Казани, Симбирска, Хвалынска фронтъ сталъ постепенно приближаться и къ Сызрани. Появились слухи о продвиженіи красныхъ на степномъ берегу Волги, въ предѣлахъ Николаевского уѣзда. Рѣчная Волжская флотилія вела въ эти дни бои съ красными пароходами всего въ 30—70 верстахъ по рѣкѣ къ низу и, въ виду серьезности положенія, было отдано распоряженіе рыть окопы вокругъ Сызрани. Для этой цѣли было мобилизовано населеніе, и можно было видѣть лавочниковъ и мѣстныхъ буржуевъ, нанимающихъ для работы за себя охотниковъ изъ чернорабочаго люда, на что стояла цѣна около 12 рублей за день.

Сдавать Сызрань врагу, видимо, въ расчетъ чеховъ не входило и потому принимались мѣры для ея удержанія.

Сызрань, какъ охранявшая подступы къ Александровскому желѣзнодорожному мосту черезъ Волгу, имѣла большое значеніе, такъ какъ съ отдачей его, невозможно было бы удержать Самары и вообще всего лѣваго берега.

Однако, слухи о неудачахъ ползли, съ Волги передавали о происходящихъ перестрѣлкахъ пароходовъ и по наименованіямъ сель было видно, что красные имѣютъ успѣхъ. Населеніе, т. е. та часть его, которая не желала оставаться въ рукахъ красныхъ, стала собираться за Волгу.

Въ первый же день своего приѣзда въ Сызрань, я случайно встрѣтилъ въ чешской контръ-развѣдкѣ двухъ своихъ пріятелей изъ анти-большевистской организаціи, бѣжавшихъ, какъ оказалось, отъ арестовъ въ тѣ же дни, что и я.

Въ виду нахождения штабовъ и центра власти въ Самарѣ мы втроемъ рѣшили двинуться туда. Пришлось брать у чеховъ пропускъ на проѣздъ и, получивъ его, мы отправились на пароходную пристань, гдѣ очередного парохода пришлось ждать ровно сутки, ибо на только что ушедшій мы опоздали.

Волга представляла изъ себя тихое зрѣлище; и кто ее помнилъ по экскурсіямъ довоеннаго времени, дававшимъ такое наслажденіе и отдыхъ всѣмъ городскимъ жителямъ, теперь не узналъ бы ея. Она была совершенно мертва. У пристаней стояло нѣсколько маленькихъ буксировъ и съ

десятокъ баржей. Часть баржей, пришедшихъ при насъ съ верху, была полна бѣженцами западныхъ губерній, попавшихъ еще на Волгу въ теченіе 15—16 г.г. На эти баржи они были посажены не то въ Казани, не то въ Симбирскѣ еще при весеннемъ владычествѣ большевиковъ для отправки ихъ на родину, а ввиду мѣшавшаго по дорогѣ фронта, ихъ направили на Саратовъ, откуда, якобы, они должны были ѣхать по жел. дор. дальше. Судьбы этихъ несчастныхъ я не знаю, но видъ ихъ и положеніе было ужасное, болѣе чѣмъ тяжелое.

7-го вечеромъ я со своими спутниками попалъ на шедшій вверхъ пароходъ и 8-го сентября по старому стилю мы добрались до Самары.

Самара кипѣла народомъ. Мѣста, гдѣ можно было бы остановиться, абсолютно не было. Гостинницы были всѣ переполнены. Въ конечномъ итогѣ, послѣ долгихъ скитаній, случайно, въ одной изъ грязныхъ, находящихся на берегу Волги у пристаней гостинницъ, намъ сказали, что мѣсто можно найти на пароходахъ, находящихся въ распоряженіи комендатуры рѣчной флотиліи.

Отправившись на пароходъ «Харьковъ», стоявшій у пристани «Кавказъ и Меркурій», я нашелъ штабъ боевой флотиліи; тамъ я встрѣтился со знакомыми моряками, тутъ же давшими намъ пріютъ на одномъ изъ пароходовъ, гдѣ мы и прожили до момента эвакуаціи Самары. Вскорѣ насъ зачислили въ списки флотиліи, давъ мнѣ напр. работу по службѣ связи съ береговыми учрежденіями и штабомъ сухопутныхъ войскъ, гдѣ у меня оказались сотрудники по анти-большевистской работѣ.

Военное Управление области было раздѣлено между чехо-словацкимъ командованіемъ (державшимъ въ своихъ рукахъ главное командованіе и управленіе по оперативной части, желѣзнодорожное сообщеніе съ телеграфомъ) и штабомъ народной арміи.

Народная армія была организована на добровольческихъ началахъ, при чемъ обязательность службы была объявлена на 3 мѣсяца. Офицерство было мобилизовано. Во главѣ народной арміи стоялъ полковникъ Галкинъ, находящійся до освобожденія Самары въ конспиративной организаціи, поднявшей при приближеніи чехо-словаковъ возстаніе.

Части, входящія въ составъ народной арміи и находящіяся на фронтѣ, состояли изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ отрядовъ или группъ. Во главѣ этихъ отдѣльныхъ группъ въ теченіе лѣта и осени 1918 года между прочими находились: полковникъ генеральнаго штаба Махинъ, тяготѣвшій къ эс-эрамъ и командовавшій отрядомъ, оперировавшимъ къ югу и юго-востоку отъ Самары; затѣмъ, капитанъ Степановъ, оперировавшій подъ Казанью; подполковникъ ген. штаба Каппель на Бугульминской жел. дор.; Волжской флотиліей командовалъ мичманъ Ершовъ, Камской — капитанъ 2-го ранга Феодосьевъ; были еще отдѣльныя части Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Самой популярной частью изъ вышеназванныхъ былъ безспорно отрядъ Каппеля. Каппелевцы признавались всѣми самой стойкой и цѣльной частью, они позже безъ перерыва защищали позиціи вплоть до паденія Уфы при необычайно тяжелыхъ условіяхъ, почти раздѣтыми при сильныхъ морозахъ, и своимъ поведеніемъ внесли не одну красивую страницу въ борьбу за освобожденіе родины.

Вообще почти всѣ, какъ стоящіе во главѣ боевыхъ частей, такъ и сами части вели себя съ большой доблестью.

Во главѣ чехо-словаковъ стоялъ полковникъ Чечекъ который и считался главнокомандующимъ всѣми военными силами.

Къ моменту борьбы, въ которой я принялъ участіе, начался періодъ неудачъ. Занявъ на сѣверѣ Казань и Симбирскъ, а на югѣ Хвалыинскъ, красные перешли за Волгу и своимъ движеніемъ на Николаевскъ и Самару обнаруживали стремленіе перерѣзать Самаро-Златоустовскую линію желѣзной дороги, отрѣзавъ Самару.

Одновременно красные двигались отъ Симбирска по правому берегу Волги, угрожая отрѣзать Сызрань, а съ сѣвера изъ Казанскаго района отъ Чистополя нажимали на ст. Нурлаты — Бугульминской жел. дороги.

Народная армія оказалась не стойкой, частью изъ за плохого обмундированія и полнаго недостатка снаряженія, пополнявшагося исключительно отбираниемъ его отъ красныхъ въ бою, частью же благодаря неспайкѣ фронтовыхъ отрядовъ, формировавшихся по случайнымъ признакамъ, съ приемами временъ Керенскаго, что, конечно, устойчивости и боеспособности не давало.

Вслѣдствіе этого, несмотря на весьма низкое состояніе тогда красной арміи, бывшей лишь въ стадіи формировація, все же преимущество оказалось на сторонѣ послѣдней.

Чехо-словацкій корпусъ, проявившій столько доблести въ началѣ лѣта, къ этому времени началъ проявлять усталость; въ существовавшихъ у нихъ при частяхъ комитетахъ появилось разложеніе, начали учащаться случаи неподчиненія боевымъ приказаніямъ, стали обнаруживаться разговоры объ усталости, о нежеланіи воевать за Россію, что является обязанностью самихъ русскихъ и т. д.

Колоссальную роль въ этомъ отношеніи сыграла неустойчивая, колеблющаяся политика Антанты. Съ одной стороны, все говорило, что союзники рѣшили поддержать антибольшевистское движеніе, какъ продолженіе борьбы съ Германіей, и потому поддержка руководителей и лояльныхъ элементовъ, не допускающихъ пріятіе позорнаго Брестъ-Литовскаго договора, казалась и естественной, и логичной. При этомъ такіе факты, какъ работа французскаго консула (Гине) въ Самарѣ, позиція англичанъ (сэра Эліота, Нокса) и японцевъ во Владивостокѣ и на Дальнемъ Востокѣ, высадка десанта на Мурманѣ, поддержка арміи ген. Алексѣева, говорили за желаніе союзниковъ оказывать помощь въ этой борьбѣ, и потому распространявшіеся по городу слухи, какъ на примѣръ, слухъ объ ожидаемомъ на дняхъ прибытіи тяжелой артиллеріи, снаряженія и т. д. вызывали вполне естественныя надежды, создавая извѣстные расчеты на эту, казалось, законную въ общемъ дѣлѣ, поддержку.

Одновременно съ этимъ, явное покровительство и имѣющіяся данныя объ активной роли Германіи въ лицѣ гр. Мирбаха, въ связи съ проявленнымъ имъ весной отношеніемъ при разоруженіи чеховъ опредѣленно дѣлило и идеологическую и практическую сторону дѣла на двѣ части: анти-большевистскую съ союзниками, съ одной стороны, и германо-большевистскую, съ другой.

Эта сторона дѣла очень важна и можно видѣть, какъ она проходитъ красной чертой во всемъ послѣдующемъ періодѣ, вплоть до 1920 года.

До чего помощь Германіи большевикамъ считалась безспорнымъ фактомъ, видно хотя бы изъ того, что моментъ происшедшей революціи

въ Германіи, въ ноябрѣ 1918 года, учитывался всѣми дѣятелями бѣлаго движенія и печатью какъ скорый разгромъ красной арміи, остающейся безъ нѣмецкой помощи. Однако, проявленный уже тутъ явный разбродъ мысли и многогранная политика союзниковъ, считавшихъ себя окончательно застрахованными отъ нѣмцевъ, привела къ тому печальному положенію, въ которомъ оказалась Европа въ періодъ послѣ Версальскаго договора, къ гибели столькихъ русскихъ людей и культурныхъ силъ, къ обезкровленію на долго Россіи.

Это положеніе всецѣло отразилось на чехо-словакахъ, уронило сперва ихъ боеспособность и привело ихъ затѣмъ въ такое состояніе, которое вызвало презрѣніе и негодованіе среди русскихъ въ Сибири и Владивостокѣ. Между тѣмъ, лѣтомъ 18 г. отношеніе къ нимъ было болѣе чѣмъ восторженное и благодарное.

Что касается времени, о которомъ я говорю, то поколебавшаяся дисциплина среди чеховъ привела къ преждевременному оставленію Ставропольскаго раіона (къ сѣверу отъ города Самары), что немедленно отразилось на общемъ положеніи фронта и, въ частности, Самары.

До чего дисциплина поколебалась и до какой степени разложеніе стало прогрессировать, видно изъ того факта, что полковникъ Швець, командиръ одной изъ чешскихъ боевыхъ группъ, не перенесъ создавшагося положенія и, незадолго до оставленія Уфы, кончилъ самоубійствомъ. Фактъ этотъ произошелъ въ серьезный моментъ, когда приказаніе его не было исполнено подчиненной ему частью во время сраженія и онъ тутъ же, не выходя изъ вагона, гдѣ находился его штабъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Швець считался однимъ изъ выдающихся и лучшихъ чехо-словацкихъ военноподполковниковъ.

Говоря объ общемъ положеніи дѣла на воижекомъ фронтѣ, нужно указать, что, при занятіи чехо-словаками Самары, бывшіе въ это время тамъ члены Учредительнаго Собранія Брушвиль, Вольскій, Фортунатовъ и др. взяли гражданскую власть въ свои руки. Въ скоромъ времени примкнули къ нимъ и другіе ихъ товарищи, выдѣлившіе изъ себя Комитетъ, получившій сокращенное названіе «Комучъ», члены котораго и подѣлили между собой министерскіе портфели. Не останавливаясь на томъ, какъ у нихъ шла работа по управленію области, могу лишь указать, что напр. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ завѣдовалъ Климушкинъ, бывший въ свое время волостнымъ писаремъ и, конечно, оказавшійся совершенно не подготовленнымъ ко взятымъ на себя обязанностямъ. Что это такъ, видно изъ того, что, несмотря на всю его развязность, ему пришлось обратиться къ бывшему Самарскому губернатору, проживавшему тамъ (кн. Голицыну) за частичными указаніями для дѣлъ, въ которыхъ Климушкинъ запутался.

Само собой понятно, что направленіе «Комуча» было совершенно социалистическое, ибо почти всѣ члены Учредительнаго Собранія не большевики принадлежали къ партіи эс-эровъ. Знаменательно при этомъ, что одновременно съ Комучемъ существовалъ въ городѣ «Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ».

Изъ состава учредильщиковъ главное участіе принимали: Вольскій (прис. повѣренный изъ Твери), Фортунатовъ и Климушкинъ отъ Самары (первый штабсъ-капитанъ), Авксентьевъ (отъ Пензы), Лебедевъ (б. Морской

министръ временъ Керенскаго), Брушвиль, Федоровичъ и кое-кто другіе, фамиліи которыхъ сейчасъ не помню. Лебедевъ больше разъѣзжалъ по фронту. Отличался еще нѣкій Мейстрахъ, выступавшій въ Самарѣ по сбору денегъ на нужды анти-большевистской работы. Этотъ Мейстрахъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ теченіе слѣдующаго лѣта (1919 г.) онъ уже при большевикахъ занимался усиленной критикой работы Комуча, писалъ ярые статьи въ Самарской красной печати въ защиту совѣтской власти, однимъ словомъ, продался ей совсѣмъ, принеся повинную за свою дѣятельность.

Викторъ Черновъ появился только къ концу августа и, конечно, былъ принятъ учредилкой нескончаемыми оваціями, занявъ мѣсто председателя. Общее число учредильщиковъ къ этому времени, если не ошибаюсь, достигало 70.

Какъ велось дѣло, а также всѣ тонкости, тренія и отдѣльные эпизоды, довольно трудно теперь вспомнить. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, событія же слишкомъ быстро мѣнялись, причемъ они развертывались около фронта и потому услѣдить за всѣмъ было очень трудно.

Однако, какъ на характерный фактъ отношенія гражданской власти къ военной, можно указать на то, что при начальникѣ штаба народной арміи полковникѣ Галкинѣ былъ приставленъ въ качествѣ его помощника (по крайней мѣрѣ, такъ говорили среди военныхъ) нѣкій поручикъ Взоровъ, партійный с. р. (мало похожій съ виду на офицера), на обязанности котораго лежалъ надзоръ за работой Галкина и чиновъ его штаба и не допущеніе проявленія контръ-революціи въ командованіи. Онъ ни минуты не оставлялъ Галкина одного, и, даже при приѣмахъ постороннихъ, фигура Взорова неотступно слѣдовала по пятамъ Галкина, обходявшаго приемную залу.

Насколько позиція учредильщиковъ сдѣлалась среди военныхъ непопулярной, видно изъ того, что многіе изъ офицеровъ въ прилегающихъ къ Волгѣ мѣстностяхъ (я слышалъ это незадолго до бѣгства своего къ чехамъ), предпочитали идти на югъ въ добровольческую армію, не смотря на ея отдаленность, а не въ народную, въ надежность которой не вѣрили, усматривая въ общемъ курсѣ политики определенное партійное теченіе.

Въ началѣ, по освобожденіи Самары, какъ говорили, этого не было замѣтно, но чѣмъ дальше, тѣмъ нагляднѣе начала проскальзывать та тенденціозность, которую особенно ярко проводилъ председатель комитета учредительнаго собранія — Вольскій въ своихъ крикливыхъ, полныхъ демагогій воззваніяхъ.

Въ конечномъ итогѣ, крѣпкой арміи создать не удалось, чехо-словакамъ сражаться надоѣло и, вмѣсто движенія на Москву (на чемъ настаивали въ своихъ сношеніяхъ агенты Антанты), начался общій отходъ, рядъ неудачъ. Сперва пали Симбирскъ и Казань, немного погодя отдали Вольскъ и Хвалынскъ, затѣмъ стали очищать Сызранскій районъ, а потомъ Самарскую и Уфимскую губернію. Такъ блистательно начатая операція, на которую возлагали надежды мыслящіе, остававшіеся въ Россіи круги, постепенно начала сходить на нѣтъ. Единственный отрядъ крѣпко державшійся, и отступавшій шагъ за шагомъ съ боемъ — былъ отрядъ доблестнаго полковника Каппеля.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ теченіе лѣта, какъ отряды чеховъ, такъ и народной арміи проявляли чудеса храбрости и

самоотверженія. Но общая обстановка въ связи съ неоказаніемъ помощи союзниками, неправильной позиціей партійныхъ руководителей, не сумѣвшихъ поддержать главную опору арміи — офицеровъ и не полученіемъ съ другой стороны серьезной, длительной помощи и сочувствія у крестьянства, дала возможность большевикамъ не только занять Приволжскій районъ, но даже продвинуть свой фронтъ на 60 верстъ за Уфу.

Отношеніе населенія къ бѣлому движенію я бы охарактеризовалъ такъ: наступающія, освободительныя части встрѣчались вездѣ восторженно. Городское населеніе — мѣщанская, чиновничья часть его, пригородъ чаяли получить усиленное продовольствіе, свободную торговлю, извѣстный порядокъ стараго уклада, личную безопасность. Однако, невозможность удовлетворить всѣ эти чаянія и надежды дѣлало городское населеніе пассивнымъ къ борьбѣ.

Крестьянское населеніе въ своей массѣ относилось съ мѣста болѣе инертно, какъ вообще болѣе недовѣрчивое, менѣе къ тому времени пострадавшее отъ краснаго режима, чѣмъ городское, и, кромѣ того, боявшееся до извѣстной степени отвѣтственности за учиненные имъ грабежи и самовольство. Не малую роль, конечно, играли и репрессіи, производимыя красными въ случаѣ ихъ успѣха. Кромѣ того въ Самарскихъ степяхъ, большевики къ тому времени своей власти вполнѣ проявить еще не успѣли, а степное населеніе, какъ я буду имѣть еще случай указать впоследствии, до извѣстной степени всегда было склонно къ анархіи или, вѣрнѣе, нежеланію подчиняться властямъ.

Если меня спросили бы, въ чемъ разница между народной и красной арміями, и почему въ то время, въ первый періодъ борьбы, преимущество оказалось у красныхъ, я бы кромѣ вышеуказанныхъ причинъ указалъ бы на слѣдующее: преимущество красной арміи заключалось въ томъ, что она опиралась, какъ ни какъ, на нѣкоторыя организованныя части (напр. латышскія, красногвардейскія, матросскія и другія), либо не потерявшія офицерскій кадръ, либо уже испытанныя, спѣвшіяся въ своихъ дѣлахъ, состоявшія изъ фанатичныхъ, искренно увлекающихся, распропагандированныхъ людей оказывающихъ потому огромное сопротивление. Кромѣ того, эти части, какъ ни какъ, были хорошо снабжены и экипированы.

Народная армія этихъ свойствъ не имѣла. Достаточно указать на различную идеологію ея элементовъ, не понимавшихъ военнаго духа, не дававшихъ возможности спаяться, а затѣмъ и на отсутствіе, какъ административнаго аппарата, такъ и воинскаго снаряженія, въ особенности, винтовокъ. Кромѣ того, большевики принуждали выполнять намѣченное, не стѣсняясь средствами, здѣсь же думали о правахъ, демократическихъ требованіяхъ, искали поддержки у людей мягкихъ по своему существу. Последнее относится ко всему бѣлому движенію, за весь періодъ этихъ 2 лѣтъ.

Народная армія держалась пока были чехо-словаки, служившіе извѣстной канвой, но какъ только сдали они, то все остальное, руководимое партійностью, неопытными людьми — начало распадаться. А условія начала борьбы, въ первой ея стадіи, были во всѣхъ отношеніяхъ весьма благоприятны. При всемъ этомъ, среди руководителей и въ управленіи бѣлыхъ было много авантюристовъ, а также людей, стремящихся вводить немедленно порядки и нормы правового уклада, что, конечно, послѣ пережитого было невозможно

Въ лучшемъ положеніи была Сибирская армія, заслоенная отъ Москвы Волжскимъ фронтомъ; она вела у себя борьбу не всѣми кадрами сразу, почему смогла организовать ядро, удержавшее въ итогѣ красныхъ на Уралѣ, и даже взять къ веснѣ 1919 года инициативу въ свои руки. Разложилась она лишь послѣ затыжки гражданской войны, вслѣдствіе атаманческихъ тенденцій, руководящихся лишь мѣстными цѣлями; а также эсэровской большевистской разрушительной работы въ тылу, по всей необъятной Сибири.

Казачьи войска, какъ болѣе однородныя, оказались болѣе способными для борьбы, и городъ Уральскъ, напримѣръ, гордился, что онъ не зналъ большевистскаго режима и системы вплоть до весны 1919 года, то есть 1½ года послѣ 25 октября. Но отсутствіе снаряженія погубило и его.

Вернемся, однако, къ описываемому мною времени.

Дѣла Волжскаго фронта, какъ я упоминалъ, стали къ этому времени все ухудшаться. Въ послѣднихъ числахъ сентября по н. ст. пала Сызрань и, несмотря на уничтоженіе одного ихъ пролетовъ Александровскаго, желѣзнодорожнаго моста, наступленіе большевиковъ развивалось, въ результатѣ чего, въ первыхъ числахъ октября, рѣшено было оставить Самару.

Я былъ по эвакуаціи штаба рѣчной флотиліи оставленъ для связи штаба арміи съ пароходами, державшими линію фронта вверхъ и внизъ по Волгѣ. Въ городѣ въ это время уже чувствовалось нервное напряженіе, появились кучки шушукующихся, ночью раздавались по улицамъ выстрѣлы, а затѣмъ уже начались грабежи складовъ пристаней на Волгѣ, оставшихся къ этому времени безъ хозяевъ.

6-го октября, въ воскресенье, остатки войскъ двинулись по направленію ст. Кинель, находящейся въ 40 верстахъ къ востоку отъ Самары. Къ вечеру сложился и штабъ народной арміи, передавъ защиту города полковнику Махину, только что вернувшемуся съ южной линіи фронта.

Грохоть орудій въ этотъ великолѣпный лѣтній день, отдѣльныя части съ обозами, тянувшіяся по улицамъ города, которыя были полны народа, усиливали напряженность момента. Но радости на лицахъ я не видалъ. Чувствовалась у большинства тревога, какъ отъ неизвѣстности, такъ и отъ связанныхъ съ перемѣной хозяевъ неизбѣжныхъ репрессій.

Придя на вокзалъ, откуда долженъ былъ отправляться штабъ арміи, я увидѣлъ полную невозможность эвакуироваться съ нимъ. Тогда я рѣшилъ уговорить нѣсколько офицеровъ, не попадавшихъ тоже на поѣздъ, идти самостоятельно по большой дорогѣ догонять свои части. Мнѣ, прошедшему передъ этимъ почти что 400 верстъ, это путешествіе казалось пустяшнымъ, тѣмъ болѣе, что дивная погода способствовала этой прогулкѣ.

Взявъ винтовку и мѣшокъ со смѣной бѣлья за плечи, мы двинулись въ путь. Настроеніе было хорошее, вѣрилось въ правоту дѣла, рисовалось, что все происходящее плодъ какого то недоразумѣнія, и лишь тревожила оттяжка освобожденія Россіи, гдѣ томились несчастные оставшіеся подъ игромъ негодяевъ и грабителей, калѣчившихъ страну во имя своихъ интернаціональныхъ экспериментовъ.

Пройдя Бугурусланскимъ трактомъ верстъ 15, мы подошли къ полотну Самаро-Златоустовской жел. дороги, по которой проходили каждые ¼ часа эшелоны изъ Самары.

Желѣзно-дорожное сообщеніе было, какъ я указывалъ выше, въ рукахъ чеховъ и потому, естественно, они заботились сперва объ эвакуаціи своихъ, отстраняя и мало интересуясь нуждами русскихъ. Въ особенности трудно было жителямъ, стремящимся къ выѣзду и не могущимъ получить мѣста въ поѣздахъ и потому принужденнымъ выбираться изъ Самары самыми разнообразными способами. Но интересно было то, что настроеніе бѣженцевъ было такое, что будто они оставляютъ насиженные мѣста на 2—3 недѣли и потому большинство ѣхало налегкѣ. Я знаю людей, зимовавшихъ затѣмъ въ Сибири, оставившихъ даже теплую одежду дома, и бѣдствовавшихъ потомъ отъ холода.

Но сравнительно жители Самары и Сызрани все же эвакуировались съ большимъ удобствомъ, чѣмъ, на примѣръ, жители Казани, которымъ пришлось бросить городъ неожиданно въ теченіе 2-хъ часовъ и бѣжать пѣшкомъ, ибо другого сообщенія ни водой, ни желѣзной дорогой, не было. Однихъ бѣженцевъ изъ Казани, по большевистскимъ свѣдѣніямъ, насчитывалось 78 тысячъ. Путь, какъ говорятъ, между Казанью и Лаишевымъ (на Камѣ) представлялъ изъ себя черную ленту отъ массы людей тянувшихся по дорогѣ. Бѣдствовали эти люди ужасно, ибо хлѣба или, вообще, питанія получить въ селахъ почти было нельзя. Отъ Лаишева ихъ везли на баржахъ до Уфы, что также принесло много горя, но страхъ передъ властью красныхъ, уже разъ пережитой, гналъ этихъ несчастныхъ, хоть на край свѣта.

Добравшись 7-го до Кинели, я разыскалъ эшелонъ Волжской флотиліи и кое какъ пристроился къ нему. Движеніе по жел. дорогѣ было трудное; недоставало паровозовъ и потому всякій эшелонъ, заполучившій таковой, тутъ же и ставилъ на него часовыхъ съ винтовками, дабы не завладѣлъ имъ кто либо другой.

Эвакуація вообще дѣло трудное, а тутъ при плохо функционирующемъ аппаратѣ, массѣ хозяевъ, недостаткѣ всего, дѣло шло изъ рукъ вонъ плохо и, кромѣ того, каждая часть стремилась захватить, какъ можно болѣе вагоновъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать къ себѣ постороннихъ. Въ вагонахъ можно было напр. видѣть жел. дорожныхъ служащихъ вывезшихъ изъ Сызрани все свое имущество, вплоть до рогатаго скота, — рядомъ же военныя части оставались безъ мѣста.

Чехи въ этомъ отношеніи побили рекордъ. Они захватили подвижной составъ, расположились жить въ немъ съ большимъ комфортомъ, поставили кровати съ пружинными матрацами и такъ прочно засѣли въ нихъ, что и въ слѣдующій періодъ не оставили вагоновъ, загромоздивъ, въ особенности въ теченіе слѣдующей зимы, всѣ станціи Сибирской желѣзной дороги своими эшелонами, и не уступая недостающаго для транспорта подвижного состава. Ихъ эшелоны можно было узнать по различнымъ украшениямъ и эмблемамъ, вѣшаннымъ на дверяхъ теплушекъ. Вели они себя, конечно, полными хозяевами.

Эшелонъ флотиліи, въ который я попалъ, двигался съ трудомъ. На всѣхъ станціяхъ были постоянныя задержки. То пропускали какой-либо спеціальнй поѣздъ, то еще что-либо мѣшало. Въ итогѣ съ большимъ трудомъ добрались мы на 12-й день до Челябинска. Тутъ начались хлопоты о пропускѣ эшелона въ другое царство, въ Сибирь. Что это совсѣмъ другой районъ, что это чужое владѣніе, не входящее въ составъ

Самарской области, говорило все. Офицерство на станціяхъ и въ эшелонахъ мечтало уѣхать въ Западную Сибирь, гдѣ, какъ имъ казалось, нѣтъ партійнаго начала, гдѣ крѣпка работа практическаго Сибирскаго Правительства. Поднимало духъ въ средѣ моряковъ, въ которой я былъ, свѣдѣніе о приѣздѣ съ Дальняго Востока въ Омскъ адмирала Колчака.

Но общій выводъ былъ тотъ, что Самарскія неудачи надо приписывать исключительно тенденціозному веденію дѣлъ и партійному составу с. р. правительства, рѣшившему скорѣе предать дѣло, чѣмъ отступить отъ своихъ социалистическихъ идеаловъ.

Всей подоплеки, конечно, никто не зналъ и общая обстановка была неясна, въ особенности нашему брату, жившему и питавшемуся слухами, а не подлинными данными, но всѣмъ военнымъ казалось, что давно желаемому и требуемому природой вещей — установленію твердой власти сознательно мѣшаетъ курсъ партіи Чернова, предавшей въ свое время и Корнилова, и всю Россію. Пусть это былъ психозъ, несоотвѣтствіе дѣйствительности, но оно характерно съ той точки зрѣнія, что вѣдь одни военные кадры могли противостоять краснымъ: они являлись реальной силой и неумѣніе на нихъ опереться лежитъ на отвѣтственности «Комуча». Однимъ словомъ, у всѣхъ была вѣра въ Сибирь и стремленіе попасть въ тѣ ряды, гдѣ рисовалось нѣчто другое, сильное, могучее, идущее по пути спасенія родины. Въ это время Сибирская армія не только не сдала, какъ народная, а наоборотъ вела бои съ успѣхомъ, да и видъ ея частей формировавшихся и обучавшихся повсемѣстно, начиная съ Челябинска, невольно бодрилъ, говоря объ успѣхѣ и правильности взятой линіи.

Здѣсь приходится немного остановиться на окончившемся къ этому времени Уфимскомъ совѣщаніи.

Не пытаюсь дать подробной картины политическаго положенія, предшествовавшаго этому этапу историческихъ событій, я остановлюсь лишь вкратцѣ на образованіи власти Временнаго Правительства или, какъ ее называли, Директоріи.

Какъ извѣстно, одновременно съ образованіемъ правительства изъ членовъ Учредительнаго Собранія въ Самарѣ, возникло самостоятельное Западно-Сибирское правительство въ Омскѣ, Дерберское и Хорватское на Дальнемъ Востокѣ, казачьи — на своихъ войсковыхъ земляхъ.

Въ Западной Сибири было создано многое въ смыслѣ укрѣпленія государственныхъ началъ въ теченіе перваго лѣтняго періода: правительство успѣло организовать изъ людей дѣла и взяться за него твердо. Вологодскій, ставшій во главѣ его, Михайловъ, Гришинъ-Алмазовъ, Бѣловъ и другіе, работая настойчиво, сумѣли создать крѣпкую армію, освободившую Сибирь до Байкала, и въ то время, какъ Народная армія уже стала разлагаться, Сибирская была только на пути къ своему развитію.

Во всякомъ случаѣ, на Волгѣ изъ приходящихъ газетъ, а также по слухамъ чувствовалось, что именно въ Сибири растетъ нѣчто здоровое и надежное. Отношенія между Самарскимъ и этими правительствами были не особенно дружныя; центры дѣятельности были отдалены и между областями чуть ли ни была таможенная граница (въ Челябинскѣ).

Однако, къ концу лѣта стало яснымъ, что нѣсколько правительствъ существовать рядомъ не могутъ, тѣмъ болѣе, что Владивостокъ являлся единственной для всѣхъ базой питанія, и потому надо было искать какого-нибудь начала для сближенія и общей работы. Это совпало съ очищеніемъ отъ красныхъ всей Сибирской линіи до Тихаго океана включительно. Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было созвать совѣщаніе въ Уфѣ. Конструкція его сейчасъ у меня ускользаетъ, но, насколько помню, на немъ участвовали представители всѣхъ почти правительствъ, какъ казачьихъ, такъ и другихъ, представители политическихъ партій и національностей, члены профессиональныхъ союзовъ, учредилорцы, промышленники и союзъ землевладѣльцевъ. Въ итогѣ, была выбрана Директорія изъ 5 членовъ и столько же къ ней замѣстителей. Это были: ген. Алексѣевъ, Чайковскій, Астровъ, Авксентьевъ, Вологодскій и кандидаты: ген. Болдыревъ, Виноградовъ, Аргуновъ, Зензиновъ, проф. Сапожниковъ. Директорія должна была осуществить верховную власть во всей освобожденной области. Къ исполненію должности вступили: проф. Виноградовъ (кадетъ, чл. 3-й и 4-й думы), Авксентьевъ (с. р., бывший министръ внутр. дѣлъ при Керенскомъ), Зензиновъ и Аргуновъ (оба с. р.), ген. Болдыревъ. Послѣдній принялъ званіе главнокомандующаго всѣми вооруженными силами, взявъ къ себѣ начальникомъ штаба ген. Розанова. Резиденціей сперва намѣчался Екатеринбургъ, однако, неудачи на фронтѣ и отходъ народной арміи принудилъ переѣхать въ Омскъ, хотя это и не соответствовало желанію директоріи.

22-го октября эшелонъ флотиліи, въ которомъ я находился, прибылъ въ Омскъ. Путь отъ Челябинска до Омска былъ пройденъ нами въ теченіе 2½ сутокъ, т.-е. въ 5 разъ быстрѣе предыдущаго равнаго съ нимъ разстоянія. Железнодорожный путь оказался свободнымъ и у всѣхъ отлегло на сердцѣ. Казалось, что первая трудная часть пройдена, что мы вступили во второй фазисъ и окрѣпшей Сибири суждено стать источникомъ возрожденія родины. Какъ ни тяжело теперь вспоминать все прожитое и пройденное за эти 2 года, тѣмъ не менѣе Сибирскій періодъ, казалось, давалъ такія опредѣленные надежды на возстановленіе нормальной, человѣческой жизни въ Россіи, что и сейчасъ вспоминаешь съ теплымъ чувствомъ это время.

Путь до Омска былъ пройденъ нами быстро и лишь была задержка въ Куломзинѣ (послѣдней станціи передъ Омскомъ), которая, ввиду переполненія тогда уже Омска, пропуска не давала.

Омскъ видомъ войсковыхъ частей производилъ хорошее впечатлѣніе. Можно было видѣть вездѣ по улицамъ города марширующихъ солдатъ, которые выправкой и молодеватымъ своимъ видомъ говорили о дисциплинѣ и возрожденіи боевой силы, безъ которой явно въ это время Россія возродиться не могла. Это, впрочемъ, относится и къ другимъ городамъ, какъ напр., Челябинску, Кургану, Петропавловску, гдѣ вездѣ шло интенсивное обученіе. По даннымъ штаба Сибирской арміи къ тому времени подъ ружьемъ насчитывалось 105 тысячъ солдатъ и около 5 тысячъ офицеровъ. Эта армія формировалась въ теченіе лѣта 1918 года въ западной Сибири, имѣя первоначально (до Омска) штабъ формированія въ Ново-николаевскѣ, состояла изъ 2-хъ призывныхъ возрастовъ и была, въ полномъ смыслѣ этого слова, на высотѣ. По освобожденіи своего края, въ

слѣдующій періодъ, она перешла въ наступленіе и къ Рождеству заняла Пермь, гдѣ взяла въ плѣнъ болѣе 30.000 человекъ и огромную военную добычу на заводахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, при общемъ наступленіи, она продвинулась впередъ, достигнувъ въ конечномъ итогѣ города Глазова Вятской губерніи, и только уже послѣ постигшихъ неудачъ всей восточной арміи, стала отходить назадъ.

Организація Сибирской арміи была построена на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ пародной, и въ значительной степени болѣе походила на регулярную. Сибирская армія была очень хороша, пока она состояла изъ однихъ лишь молодыхъ возрастовъ, не бывшихъ раньше на призывѣ, и ея успѣхи подъ Пермью были сказочны. Но тогда уже вопросъ о необходимости пополнять ее, ввиду предстоящихъ задачъ, началъ беспокоить правительство и ясно вырисовывалась опасность, что пополненіе новыми контингентами изъ лицъ болѣе старшихъ возрастовъ, принимавшихъ участіе въ Германской войнѣ, пережившихъ Керенщину и потому въ большей своей массѣ деморализованныхъ, можетъ испортить дѣло.

Для смягченія этого, молодымъ Сибирскимъ генераломъ Пепеляевымъ, героемъ взятія Перми, былъ поднятъ вопросъ о призывѣ сперва сибирской интеллигенціи для составленія изъ нея извѣстной основы, которую можно было бы, въ ближайшемъ будущемъ, пополнить мобилизованными солдатами. Вопросъ этотъ возникъ при участіи общественныхъ круговъ. Онъ былъ обсужденъ всѣми политическими группами, имѣвшимися въ то время въ Омскѣ, послѣ чего былъ внесенъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ и прошелъ. Однако, этотъ планъ въ жизнь не претворился, влѣдствіе опозданія прибытія обмундированія отъ союзниковъ, а также полученія свѣдѣній о намѣреніи красныхъ перейти въ наступленіе. Последнее же обстоятельство было весьма серьезно, ибо при гражданской войнѣ инициатива играетъ несомнѣнно роль гораздо болѣе серьезную, чѣмъ въ обыкновенной, что и слѣдовало учитывать, даже при сознаніи, что своя армія къ этому не готова.

Походъ, какъ извѣстно, начать былъ блестяще. Армія, пройдя болѣе 400 верстъ въ теченіе мѣсяца, находилась въ 60 верстахъ отъ Самары и только весенній разливъ заставилъ ее остановиться. Последнее обстоятельство ее и погубило, ибо краснымъ удалось, сдѣлавъ отчаянное усиліе, собрать ударныя части со всей Россіи — прорвать фронтъ къ Сѣверу-западу отъ Оренбурга и, вырвавъ инициативу, остановить дальнѣйшее наступленіе всей огромной арміи, насчитывавшей нѣсколько сотъ тысячъ человекъ.

Жизнь въ Омскѣ къ моменту моего туда пріѣзда была не дорога; продукты были въ изобиліи. (Цѣны примѣрно стояли такія: пшеничный хлѣбъ менѣе рубля за фунтъ, масло 3½ — 4 рубля за фунтъ, обѣдъ въ ресторанахъ съ неограниченнымъ количествомъ хлѣба 4—5 рублей). Зато съ квартирами было болѣе, чѣмъ трудно. Городъ, вмѣщавшій въ мирное время немного болѣе 100 тысячъ жителей, долженъ былъ принять бѣженцевъ количествомъ превышающимъ 500, и потому буквально нельзя было найти себѣ мѣста. Даже сама директорія, какъ и иностранныя миссіи, помѣщалась въ вагонахъ. Мнѣ пришлось поселиться въ вагонѣ адмирала Колчака, только что пріѣхавшаго съ Востока.

Послѣ переѣзда директоріи въ Омскъ, что произошло, какъ я говорилъ, въ десятыхъ числахъ октября, отношеніе ея къ Сибирскому правительству создались довольно странныя и были мало урегулированы; все время чувствовалось, что роль директоріи какая то вымученная, неестественная. Авторитета власти у нея не было, дѣловитости тоже. Искать объясненія этого надо въ искусственномъ ея созданіи, вынужденномъ компромиссѣ. Надо отмѣтить, что Сибирскіе представители на Уфимскомъ Совѣщаніи порывались неоднократно уѣхать, предвидя, что реальныхъ и полезныхъ результатовъ достигнуто не будетъ. Слѣшкомъ разнѣ представляли себѣ разрѣшеніе вопросовъ дѣловые сибиряки и, искушенные въ программахъ, члены учредительнаго собранія. Даже главнокомандующій генералъ Болдыревъ и его штабъ не чувствовали себя хозяевами въ своемъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, вся обстановка сложилась неблагоприятно и въ скоромъ времени въ поискахъ выхода изъ создавшагося положенія, а именно, въ 25 числахъ октября, былъ поднятъ вопросъ о реорганизациіи правительства.

Тутъ начинается фигурировать имя адмирала Колчака. Колчакъ появился въ Омскѣ незадолго передъ тѣмъ, проѣздомъ изъ Японіи въ Евр. Россію. Во время остановки своей въ Омскѣ, онъ былъ приглашенъ мѣстными кадетами, съ предсѣдателемъ комитета нѣкимъ Жардецкимъ во главѣ, а также и другими близкими къ нимъ кругами для обсужденія общаго политическаго положенія. Въ конечномъ итогѣ правительствомъ было предложено Колчаку занять сперва постъ морского министра, а черезъ нѣсколько дней и военнаго. Переговоры эти затянулись въ связи съ общей реконструкціей кабинета болѣе, чѣмъ на двѣ недѣли. Вопросъ осложнился тѣмъ, что Колчакъ высказался категорически противъ сохраненія с. р. Роговскимъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію полиціей, находя, что Роговскій, какъ членъ партійнаго комитета, не долженъ занимать этой должности, ибо вооруженная сила, каковой является полиція, должна непременно быть въ нейтральныхъ, а не партійныхъ рукахъ. Этотъ фактъ я могу лично удостовѣрить, такъ какъ случайно мнѣ пришлось помогать въ концѣ октября переписывать указанные имъ доводы въ секретномъ письмѣ, адресованномъ на имя генерала Болдырева. Послѣ долгихъ переговоровъ, удалось убѣдить Колчака принять портфели военнаго и морского министра, оставивъ с. р. Роговскаго на мѣстѣ. Его вступленіе въ составъ кабинета, какъ и назначеніе инженера Устругова на должность министра путей сообщенія, считались весьма желательными въ цѣляхъ поднятія извѣстными именами престижа сибирскаго правительства за границей. Въ составъ правительства усиленно приглашался на постъ министра иностранныхъ дѣлъ и кн. Кудашевъ, нашъ посолъ въ Пекинѣ, а также Щепицъ, совѣтникъ посольства въ Токио. Однако, эти приглашенія не увѣнчались успѣхомъ, ибо дипломаты наши предпочитали безъ риска, съ комфортомъ, сидѣть въ посольскихъ домахъ.

Такимъ образомъ, было переформировано Сибирское правительство и 6-го ноября оно въ обновленномъ составѣ вступило въ исполненіе обязанностей, имѣя надъ собой въ качествѣ верховной власти — директорію.

Во время существованія директоріи было много толковъ, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ печати о созывѣ Сибирской об-

ластной думы. Въ конечномъ итогѣ ея работа была признана вредной и было принято компромиссное рѣшеніе о созывѣ ея для объявленія объ ея роспускѣ. Произвести это долженъ былъ предсѣдатель директоріи Авксентьевъ, что и было имъ исполнено въ Томскѣ, кажется, въ концѣ октября, послѣ чего областная дума и не собиралась. Я нарочно объ этомъ упоминаю, ибо въ печати попадаются указанія, что якобы она была распущена Колчакомъ, между тѣмъ, этотъ фактъ произошелъ еще во время директоріи, и кажется, въ тотъ періодъ, когда еще Колчакъ въ составъ кабинета совсѣмъ и не входилъ.

Отношеніе сибирскаго правительства къ директоріи было неясное, но чувствовалось опредѣленно, что искусственное созданіе всей этой комбинаціи тормозитъ созидательную работу. Политика директоріи по отношенію къ лѣвымъ теченіямъ, появившимся въ арміи, была явно нерѣшительна, чуть ли не благожелательна. Это отношеніе во всѣхъ кругахъ, мечтавшихъ объ укрѣпленіи и созданіи арміи (что было вообще лейтъ-мотивомъ), вызывало недовольство. Конечно, проявлялось оно болѣе ярко въ военныхъ сферахъ, но и общественные круги опредѣленно выражали свое недовольство, объясняя себѣ подобное поведеніе вр. правительства зависимостью нѣкоторыхъ изъ его членовъ (какъ Зензинова, Авксентьева) отъ партіи с.-р., въ комитетъ которыхъ они входили. Это показываетъ до какой степени вышеупомянутыя лица не отвѣчали моменту. Взявъ на себя такое отвѣтственное дѣло, они не сочли даже нужнымъ хоть на время снять съ себя партійную зависимость. Между тѣмъ, слухи и газеты приходившіе въ Омскъ изъ Екатеринбургa, гдѣ основался Комитетъ Учредительнаго Собранія, говорили опредѣленно о недружелюбномъ его отношеніи къ Омску. Мало того, комитетъ с. р. выпустилъ въ 20 числахъ октября листовки съ призывомъ къ вооруженной борьбѣ и созданію особыхъ с. р. военныхъ частей, какъ для охраны своихъ комитетовъ, такъ и вообще для созданія своихъ военныхъ ячеекъ, т.-е., другими словами, среди антибольшевистскихъ войскъ создавалось разслоеніе въ то время, когда война съ красными еще не была окончена. И на это директорія не только не реагировала, но продолжала сноситься съ Екатеринбургомъ и давать отчетъ о своей дѣятельности центральному комитету партіи с.-р.

Тогда даже самымъ лояльнымъ элементамъ казалось, что дальше идти некуда.

Въ результатѣ, въ ночь на 18 ноября три члена директоріи — Авксентьевъ, Зензиновъ и Аргуновъ, а также тов. министра внутрен. дѣлъ Роговскій были группой офицеровъ во главѣ съ казаками Волковымъ, Красильниковымъ и Катанаевымъ неожиданно арестованы. Молва говорила, что за ихъ спиной якобы принималъ дѣятельное участіе въ арестѣ министръ финансовъ — Михайловъ.

Тотчасъ же, по полученію свѣдѣній о совершившемся, собрался совѣтъ министровъ и, ввиду создавашагося остраго положенія и боязни эксцессовъ въ эту трудную минуту, рѣшилъ, взявъ всю полноту власти въ свои руки, передать ее затѣмъ въ руки военнаго, который только одинъ могъ поддержать порядокъ. Намѣченныхъ кандидатовъ оказалось двое: генераль Болдыревъ и вице-адмиралъ Колчакъ. Первый получилъ, однако, лишь одинъ голосъ, почему Колчаку была вручена верховная

власть, которую онъ принялъ послѣ блестящей патріотической рѣчи, произведшей огромное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

Арестованныхъ чиновъ директоріи Колчакъ хотѣлъ тутъ же выпустить на свободу, взявъ лишь обязательство съ нихъ о немедленномъ выѣздѣ изъ предѣловъ Сибири, на что, однако, арестованные не согласились, боясь эксцессовъ со стороны военныхъ, настроеніе которыхъ было повышено. Черезъ нѣсколько дней, арестованные подъ иностранной охраной были вывезены въ Китай. Какъ говорятъ, Колчакомъ было имъ ассигновано по 75 тысячъ рублей на дорогу каждому, что по тогдашнему курсу составляло солидную сумму и на иностранную валюту.

Колчакъ, считая недопустимымъ покушеніе на верховную власть, предалъ офицеровъ, произведшихъ «*coup d'état*», — военному суду, который, однако, вынесъ имъ оправдательный приговоръ.

Конечно, во всемъ этомъ было много неестественнаго, явно несообразнаго и логически непоследовательнаго, но не нужно забывать той нервозности, окружающей центръ политической жизни, того недовѣрія, которымъ были проникнуты многіе борющіеся съ большевизмомъ въ то время, и опасеній предательства со стороны лицъ, допустившихъ Ленина, почти безъ сопротивленія, къ власти.

Верховнымъ Правителемъ Колчакъ признанъ былъ окраинами не сразу. Атаманъ Дутовъ, командующій Приамурскимъ корпусомъ на Дальнемъ Востоцѣ, генераль Ивановъ-Риновъ, атаманъ Анненковъ ему подчинились, генераль Хорватъ, находившійся въ Харбинѣ, тоже его призналъ, выговоривъ лишь себѣ автономное положеніе и названіе Верховнаго уполномоченнаго. Но атаманъ Семеновъ и Калмыковъ долго боролись противъ его власти, не желая признавать его, и лишь къ лѣту 1919 года этотъ вопросъ уладился, но, конечно, это принесло не мало вреда ходу послѣдующей борьбы. Въ Читѣ была выпущена специальная брошюра (изд. русск. патріотовъ) подъ заглавіемъ «Адм. Колчакъ и атаманъ Семеновъ». Одна изъ статей этой брошюры говоритъ объ отношеніи къ Омску. Она озаглавлена «Что дѣлать съ Колчакомъ?» и гласитъ: «Граждане! Теперь тяжелый политическій моментъ и не такимъ грязнымъ и больнымъ людямъ, какъ адмиралу Колчаку, быть нашимъ Верховнымъ Правителемъ . . . Долой его! Самъ Колчакъ — это олицетвореніе честолюбія — добровольно не уйдетъ, нужно его убрать . . . Помните граждане, что съ появленіемъ у власти Колчака большевизмъ уже поднимаетъ голову . . .»

Конечно, такое отношеніе къ центральной власти служить къ ея укрѣпленію не могло.

Само собой понятно, что Колчака не призналъ и комитетъ учредительнаго собранія, но фактически тогда ни территоріи, ни организованнаго аппарата, ни военной силы въ его распоряженіи не было и потому сопротивленіе комитетъ оказывалъ лишь прокламаціями, призывающими къ возстанію.

Структура управленія сложилась слѣдующимъ образомъ: верховная власть была въ рукахъ Верховнаго правителя адмирала Колчака (онъ же былъ и верховнымъ главнокомандующимъ) исполнительная власть оставалась у совѣта министровъ, постановленія котораго утверждались верх. правителемъ. Наложеніе имъ «вето» въ теченіе зимы 18—19 г. было всего лишь 2 раза. Всѣ законоположенія, ассигновки и высшія perso-

нальныя назначенія (кроме боевых) проходили черезъ Совѣтъ министровъ. Центръ государственнаго аппарата, нужно сказать, дѣйствовалъ хорошо, конституціонныя гарантіи были на лицо, но на мѣстахъ вліяніе центра чувствовалось слабо; тамъ царилъ произволъ и дѣло абсолютно налажено не было.

Совѣтъ министровъ въ теченіе зимы 18—19 г. былъ съ небольшими измѣненіями слѣдующій: Предсѣдатель совѣта министровъ, онъ же министръ иностран. дѣлъ — П. Вологодскій (быв. с. р., сибирякъ), министръ внутрен. дѣлъ — Гаттенбергъ (безпартійный, быв. страховой агентъ, мировой судья выборовъ 17 г.), министръ финансовъ — Михайловъ (секретарь Шингарева), земледѣлія — Петровъ (безпарт., сибирякъ), мин. продовольствія — Зефировъ (безп., сибирякъ), мин. путей сообщенія — Устроговъ (безп.), юстиціи — Старынкевичъ (бывш. с. р.), государ. контролеръ — Красновъ (соціалистъ), мин. труда — Шумиловскій (с. д.), мин. почтъ и телегр. — Щеслинскій (н. с.), военн. министръ — ген. Степановъ, морск. мин. — адмиралъ Смирновъ. Управляющій дѣлами сов. министровъ — Тальбергъ (к. д.). Изъ сотрудниковъ, игравшихъ болѣе видную роль, можно назвать: доктора медицины изъ Томска — Граціанова (парт. с. д.), — тов. министра внутрен. дѣлъ по завѣдыванію мѣстнымъ самоуправленіемъ, ген. Хорошкина, пом. воен. министра по казачьимъ дѣламъ (с. р.), Мельникова, тов. мин. продовольствія (октябристъ, членъ 3-й думы); Киндякова, завѣд. конозаводствомъ (окт., членъ 3-й думы), проф. Гинса и Сукина, тов. мин. иностран. дѣлъ, Пепеляева, тов. мин. внутр. дѣлъ (к. д.).

Какъ видно изъ перечисленныхъ лицъ, составъ правительства былъ весьма разнороденъ, какъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, такъ и по прежней дѣятельности. При этомъ надо учитывать, что въ Сибири существовало стремленіе къ самостоятельности, и, хотя оно было весьма незначительное, но все же извѣстное вліяніе оно имѣло.

Для выполненія высшей судебной власти и надзора за закономѣрностью дѣятельности правительства, былъ въ январѣ мѣсяцѣ учрежденъ Сенатъ. На его открытіи адмираломъ Колчакомъ и составомъ правительства была принесена торжественная присяга въ вѣрности родинѣ.

Для освѣщенія положенія, возстановленія экономической жизни и разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ, въ области создано было экономическое совѣщаніе, состоявшее изъ правительственныхъ лицъ, представителей промышленныхъ группъ и кооперативовъ. Въ этой работѣ, въ качествѣ замѣстителя предсѣдателя совѣщанія, принималъ участіе быв. государственный контролеръ царскаго правительства — С. С. Феодосьевъ.

На Востокѣ, какъ упоминалось выше, былъ верховный уполномоченный правительства — ген. Хорватъ. При немъ былъ особый Совѣтъ. Хорватъ, какъ извѣстно, игралъ огромную роль на Д. Востокѣ, пользовался большой силой и въ особенности въ началѣ, послѣ переворота 18 ноября, выступалъ группой лицъ, считавшихъ Колчака слишкомъ умѣреннымъ, — въ качествѣ его замѣстителя. Репутаціей онъ пользовался опредѣленно крайне правой; работалъ въ контактѣ съ атаманомъ Семеновымъ и пользовался поддержкой японскихъ круговъ.

При объединеніи власти въ Омскѣ, ввиду всего этого, пришлось встрѣтиться съ этимъ весьма серьезнымъ фактомъ, что Владивостокъ

находился подъ вліяніемъ Хорвата, а онъ былъ нашимъ единственнымъ портомъ съ большимъ количествомъ складовъ самыхъ различныхъ техническихъ и матерьяльныхъ припасовъ, ввезенныхъ туда еще во время германской войны. Снабженіе фронта, такимъ образомъ, зависѣло отъ спокойствія Владивостока и вообще Забайкалья.

Самостоятельное управленіе было еще въ Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ. Управленіемъ вѣдалъ войсковой кругъ изъ выборныхъ отъ станицъ лицъ и выборный же атаманъ. Въ первомъ былъ Дутовъ, во второмъ же они мѣнялись; извѣстны имена Мартынова, Савельева, Толстого. Въ предѣлахъ Уральского войска оригинально велась война. Какъ только красные насѣдали, то немедленно призывались всѣ очереди вплоть до стариковъ, но, когда общими усиліями красные изгонялись изъ предѣловъ области, мобилизованные расходились по домамъ, до слѣдующей опасности, когда собирались вновь.

Всѣ эти обстоятельства, сопровождавшія освобожденіе страны отъ большевиковъ, во время которыхъ образовались отдѣльныя мѣстные правительства, весьма затрудняли развитіе и укрѣпленіе правового государственнаго аппарата, функционировать которому, основываясь на правѣ и законѣ, было болѣе, чѣмъ трудно. Вѣдь окраины не только не подчинялись признанному ими же Омскому правительству, но даже вступали, какъ напр. атаманъ Семеновъ, въ открытую борьбу, нарушая правильность и планомѣрность политической жизни.

Какъ упоминалось выше, власть на мѣстахъ была поставлена значительно хуже центральной. Правильнѣе сказать: власть центра на мѣстахъ часто совсѣмъ не ощущалась. Представители мѣстной власти вели свою, въ большинствѣ случаевъ крайне вредную, политику. Проявленіе сильной, твердой власти, о которой такъ мечтало населеніе, находившееся подъ игомъ большевиковъ, по освобожденію отъ нихъ области, не ощущалось. Военные отряды, какъ и гражданская власть въ небольшихъ городахъ и мелкихъ мѣстечкахъ, дѣйствовали по своему усмотрѣнію, не руководствуясь ни закономъ, ни часто моральными побужденіями. Съ другой стороны, гдѣ не было твердой военной власти, шла пропаганда большевистскихъ агентовъ; зачастую различные съѣзды кооператоровъ, профессиональныхъ союзовъ, использовывались этими агентами для внесенія раздора и искусственнаго обостренія отношеній.

Вообще, работа по разложенію тыла шла напряженно. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу слѣдующій фактъ: Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1919 года въ политехникумѣ въ Москвѣ собранъ былъ митингъ подъ названіемъ «Колчаковщина», устроенный Мартовымъ, состоящимъ якобы въ легальной оппозиціи къ совѣтской власти, и, конечно, съ ея разрѣшенія, если не благословенія. На этомъ митингѣ фигурировалъ только что вернувшійся изъ Сибири меньшевикъ «товарищъ» Голосовъ. Изъ его доклада выяснилось, что онъ былъ командированъ въ Сибирь для образованія объединенныхъ центровъ с. д. (повидимому, интернаціоналистовъ). Лозунгомъ была борьба съ Колчакомъ. Работу свою онъ оцѣнивалъ, какъ весьма продуктивную, указывалъ на увеличивающуюся въ Сибири дороговизну, недочеты, недовольство желѣзнодорожниковъ, на запрещеніе митинговъ, стѣсненіе печати и т. д. Все это докладывалось, какъ будто въ Совдепѣ всѣ эти свободы имѣлись на лицо.

Результатомъ подобной работы было нѣсколько возстаній за зиму 18—19 г. и поддержка внутреннихъ фронтовъ. Послѣдніе образовывались изъ оставшихся послѣ очищенія Сибири еще въ теченіе лѣта 18 года, красноармейскихъ бандъ. Ихъ уничтоженіемъ никто не интересовался, и потому, въ очень короткій срокъ имъ удалось сконцентрироваться въ нѣсколькихъ мѣстахъ, образовавъ, такъ называемые, фронты. Въ Енисейской губ. они удачно воспользовались имѣвшимися тамъ латышскими выселками и удобствомъ гористой мѣстности при рѣдкости населенія, почему выбить ихъ оттуда къ нужному моменту оказалось не легкимъ дѣломъ. У Благовѣщенска же оперировалъ отрядъ германскихъ военноплѣнныхъ, численностью въ нѣсколько тысячъ человекъ подъ командой полковника бар. Таубе; при неудачахъ этотъ отрядъ уходилъ въ Манджурскія степи. Въ мартѣ 19 года ими были вырѣзаны 2 японскихъ роты, численностью болѣе 300 человекъ. Затѣмъ, въ самомъ Омскѣ было два большевистскихъ выступленія, одно 20 декабря 18 г. и другое въ концѣ января 19 г.

Мѣстное самоуправленіе въ видѣ земскихъ учрежденій состояло изъ лицъ выбранныхъ еще во времена Керенскаго. Срокъ ихъ полномочій истекалъ къ январю 1919 г.; въ связи съ этимъ естественно возникалъ вопросъ о допустимости назначенія новыхъ выборовъ; возникали сомнѣнія въ цѣлесообразности въ это трудное время заниматься предвыборной кампаніей. Но, такъ какъ съ мѣстъ стали поступать заявленія о желаніи производства новыхъ выборовъ, то, послѣ обсужденія этого вопроса, они были назначены на начало весны 19 года.

Люди, принимавшіе участіе въ политической работѣ, дѣлились на мѣстныхъ жителей и бѣженцевъ изъ Россіи. Послѣдніе появились въ Сибири съ отходомъ народной арміи съ Поволжья, и были преимущественно дѣятелями средне-волжскихъ губерній. Мѣстныя сибирскія группы кромѣ партійныхъ ячеекъ, существовавшихъ въ Сибири еще въ до-революціонный періодъ, выступали преимущественно въ кооперативныхъ организаціяхъ, а также казачьихъ объединеніяхъ. Группировки, имѣвшія значеніе въ политической жизни страны и выявлявшіяся въ печати, какъ то кадеты, торгово-промышленники и союзъ возрожденія Россіи, группа Единства, несоціалистическое объединеніе, союзъ кооператоровъ, поддерживали тѣсныя между собой сношенія, объединялись въ блоки, ставя всегда задачей поддержку Колчака, заявляя ему свои взгляды на политическое положеніе и указывая на необходимыя коррективы. Вообще, надо отмѣтить, что политическая жизнь въ Сибири кипѣла, и власть не была въ томъ положеніи, въ какомъ она была напр. въ Сѣверо-западной арміи, гдѣ въ правительство попадали неизвѣстные для мѣстнаго населенія имена, а военныя власти чуждались общенія съ какими бы то ни было группами. Но, къ сожалѣнію, недостатокъ въ государственныхъ людяхъ, людяхъ опыта, могущихъ побороть и умѣрить всѣ теченія и желанія, остро чувствовался.

Если Колчакъ, этотъ величайшій патріотъ, безукоризненный человекъ, культурный и энергичный дѣятель, стоялъ выше всѣхъ головой, то около него лѣпились всевозможные авантюристы, мелкіе по душѣ людишки, губящіе своимъ вмѣшательствомъ дѣло.

Давая краткую характеристику общаго положенія дѣла въ Сибири съ ноября 18 года по мартъ 19, могу указать, что я лично, кромѣ работъ

въ одномъ изъ министерствъ, принималъ участіе въ дѣятельности не-соціалистическаго объединенія земскихъ и городскихъ дѣятелей Россіи, которое считало, что оно ведетъ преемственность отъ Московскаго совѣщанія общественныхъ дѣятелей, собиравшихся въ августѣ 17 года.

Это объединеніе было внѣпартійное, но выступало на сцену довольно рѣдко, занимаясь больше подготовительной работой по освѣщенію общаго положенія дѣла и курса политики, стараясь парализовать неожиданныя выступленія и колебанія отдѣльныхъ лицъ, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ контактъ съ родственными по духу организаціями, разбросанными по Сибири.

Однимъ изъ очень крупныхъ и имѣвшихъ большое значеніе въ Сибири вопросовъ, былъ вопросъ пріятія помощи отъ иностранцевъ. Въ началѣ борьбы съ большевиками ген. Хорватъ и эсауль Семеновъ получали поддержку отъ японцевъ и стали вслѣдствіе этого въ огромную зависимость отъ нихъ. Когда принялъ власть Колчакъ, отрицательно относившійся къ алчности японцевъ, проявляемой ими на Востокѣ, ему пришлось тутъ же столкнуться реально съ этимъ вопросомъ и реагировать на него. Положеніе было трудное въ томъ отношеніи, что Соединенные Штаты, а также и Антанта, вообще, боялись пустить въ Сибирь Японію одну, обусловливая помощь Колчаку оказаніемъ ее всѣми державами сразу. Поэтому, завися отъ Антанты и политики нашихъ представителей въ Европѣ, помощи у японцевъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, каковую они могли бы дать, — не просили. Эту точку зрѣнія поддерживалъ товарищъ министра иностр. дѣлъ — Сукинъ, что оспаривалось какъ Семеновымъ, такъ и кругами, понимавшими, что союзники своей нерѣшительностью, колебаніями въ оказаніи помощи могутъ погубить все дѣло, ибо однимъ изъ залоговъ успѣха въ первый періодъ русской гражданской войны была быстрота, а отнюдь не длительность военной кампаніи. Но повторяю, благодаря давленію Антанты, помощь Японіи не была использована до максимума, что, конечно, имѣло колоссальное вліяніе на борьбу съ красными.

Что касается экономической жизни Сибири, то, благодаря свободной торговлѣ и имѣвшимся на мѣстахъ продуктамъ, она была сравнительно удовлетворительна, но разстройство транспорта, прогрессирующее съ каждымъ днемъ нарушало дѣло, и создавшееся въ началѣ осени положеніе, о которомъ я говорилъ, не могло долго держаться. Какъ извѣстно, питаніе арміи военными и техническими матерьялами шло исключительно съ Востока по имѣвшейся въ наличіи одной линіи Великаго Сибирскаго пути. Мануфактура и вообще продукты производства, не вырабатывавшіеся на мѣстахъ, тоже шли оттуда. Благодаря этому, хотя все и было въ наличіи, но не въ той степени, какъ это нужно было населенію, мечтавшему о положеніи 14 года, а кромѣ того спекуляція развивалась катастрофически, поднимая ежедневно стоимость всего. Однимъ словомъ, возстановить экономическую жизнь, въ полномъ смыслѣ этого слова, не удалось и надо въ этомъ искать одну изъ причинъ неустойчивости Правительства. Для урегулированія желѣзнодорожнаго дѣла былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи международной комиссіи подъ предсѣдательствомъ инженера американца Стевенса и при участіи другихъ союзныхъ представителей, но вопросъ этотъ безконечно задерживался. Онъ крайне беспокоилъ

правительство, но сгладить разногласія было весьма трудно. При этомъ желѣзнодорожные служащіе будировали, увеличивая этимъ трудности.

Вотъ, вкратцѣ, общая обстановка въ Сибири въ первые мѣсяцы правленія Колчака.

Что касается военной стороны дѣла, то сибирскія войска были осенью 18 года на правомъ флангѣ фронта, имѣя штабъ сибирской арміи въ Екатеринбургѣ. Войска въ это время были въ великолѣпномъ состояніи, молодые солдаты были выше похвалъ. Арміей этой командовалъ генераль Гайда, принятый правительствомъ на русскую службу, связанный съ Колчакомъ личными отношеніями, знакомый ему по борьбѣ съ большевиками на Востокѣ. Характеристики ген. Гайды дать не сумѣю, но, видимо, въ немъ преобладало авантюристическое стремленіе надъ всѣми остальными. Ближайшимъ его помощникомъ по военной специальности былъ нѣкій полковникъ Богуславскій, бывший нѣкогда на Кавказѣ и имѣвшій репутацію человѣка выдающихся военныхъ дарований. Кромѣ Гайды, на сѣверномъ участкѣ славились два молодыхъ генерала — Пепеляевъ и Голицынъ.

Такъ называемая Западная армія (средняя) состояла изъ остатковъ бывшей народной. Неудачи заставляли ее постепенно отходить къ Уральскому хребту, и остановилась она лишь въ 60 верстахъ къ востоку отъ Уфы въ районѣ станціи Иглино. Много доблести было проявлено за этотъ періодъ Ижевской и Воткинской бригадами, состоявшими изъ рабочихъ съ заводовъ того же наименованія. Это все были добровольцы, и предшествовавшій красный режимъ сдѣлалъ ихъ ярыми антибольшевиками. Участкомъ этого фронта сперва командовалъ ген. Дитерихсъ, а затѣмъ ген. Ханжинъ. Ко времени весенняго наступленія 19 года, армія эта была пополнена частями изъ сибирскихъ армій (ген. Голицына). Части эти, хотя и были, какъ я указывалъ выше, отмѣнными, но онѣ, вслѣдствіе пополненія ихъ къ этому времени мобилизованными — сибиряками и плѣнными красноармейцами, свою боеспособность скоро потеряли.

Южная группа состояла почти сплошь изъ казачьихъ войскъ — Оренбургскаго и Уральскаго. Группа эта была въ трудномъ положеніи, такъ какъ, послѣ паденія узловой станціи Кинели (октябрь 18 г.), Оренбургъ (вѣрнѣе Орскъ) долженъ былъ снабжаться гужевымъ путемъ, ибо городъ Кустанай, соединенный съ Сибирской магистралью, находился отъ него въ 250 верстахъ, что, конечно, страшно затрудняло положеніе. Уральскъ былъ еще въ худшихъ условіяхъ и, въ сущности говоря, былъ почти совсѣмъ самостоятельнымъ.

Кромѣ этой западной линіи, тянувшейся на 600—700 верстъ, былъ еще отдѣльный Семирѣченскій фронтъ, защищавшій Сибирь отъ Туркестанской Красной арміи. Тамъ сидѣлъ атаманъ Анненковъ съ 30.000 отрядомъ.

Однимъ изъ характерныхъ явленій при борьбѣ съ большевизмомъ является такъ называемая «атаманщина». Явленіе это сопровождается настоящую гражданскую войну и есть естественное слѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ ведется борьба. Партизанскіе отряды образуются съ обѣихъ сторонъ и какъ иррегулярныя части естественно притягиваютъ къ себѣ людей, отличающихся извѣстнымъ авантюризмомъ, удалью, давая имъ возможность выявлять свои индивидуальныя ка-

чества. На Востокѣ, гдѣ имѣются до десяти отдѣльныхъ казачьихъ войскъ, это явленіе получило весьма большое развитіе. Поэтому, касаясь антибольшевицкой войны, нельзя пройти мимо этого явленія. На дальнемъ Востокѣ самымъ крупнымъ атаманомъ являлся, конечно, Семеновъ, затѣмъ извѣстный Калмыковъ въ Пріамурьѣ, Анненковъ въ Семирѣчьи, Красильниковъ и Волковъ въ Иркутскѣ и еще нѣкоторые другіе. Начальники нѣкоторыхъ отрядовъ старались присваивать себѣ названія и титулы вродѣ «воеводъ» и т. д. Насколько полезны были эти самостоятельные отряды въ началѣ очищенія мѣстностей отъ большевиковъ, настолько же они осложняли при налаживающемся строѣ и государственномъ порядкѣ политическую жизнь. Такъ, напримѣръ, атаманъ Семеновъ долго не признававшій Омска, самостоятельно распоряжался подѣ Читой, задерживая военные грузы, предназначавшіеся для фронта, арестовывая пассажировъ, осложняя и безъ того сложное и запутанное положеніе. Другіе, не столь крупные, какъ Калмыковъ, просто въ этотъ періодъ представляли изъ себя разбойниковъ. Совладать съ ними, съ ихъ своевольными шайками и добиться отъ нихъ уваженія къ законности и порядку было почти невозможно.

О чехословацкомъ корпусѣ, игравшемъ въ началѣ бѣлаго движенія на востокѣ преобладающую роль, я говорилъ. Сперва чехи принимали въ борьбѣ активное участіе, но постепенно они начали оттягиваться въ тылъ съ намѣреніемъ отдохнуть и переформироваться, но въ результатѣ совершенно отошли отъ активныхъ дѣйствій. Фактически они оставили фронтъ въ ноябрѣ — декабрѣ 18 года, а съ весны на нихъ была возложена охрана Сибирскаго пути.

Изъ другихъ національныхъ формированій, принимавшихъ активное участіе въ борьбѣ, отмѣчу поляковъ подѣ Уфой, а затѣмъ сербовъ. Последніе были все время выше всякой похвалы.

Французскій батальонъ пытался выступить въ декабрѣ подѣ Уфой, но, попавъ подѣ 30 градусный морозъ, потерявъ большой % замерзшими, принужденъ былъ немедленно ретироваться. Находившіеся еще въ Сибири канадцы (около 5 тысячъ), американцы, англичане и итальянцы участія въ бояхъ не принимали, а служили скорѣе моральной опорой правительству. Японцы были въ Забайкальи, и имѣли постоянныя стычки съ большевиками подѣ Благовѣщенскомъ и на Амурѣ. Объ ихъ желаніи или намѣреніи принять активное участіе въ борьбѣ на Уральскомъ фронтѣ говорилось не мало, иногда называли въ правительственныхъ сферахъ чуть ли не точное количество бойцовъ и время ихъ выступленія, но дальше разговоровъ и слуховъ это не шло.

Роль иностранныхъ представителей все время была неясна и вносила все время массу осложненій и затрудненій; стоитъ лишь вспомнить предательскую роль французскаго ген. Жанена.

Останавливаясь на положеніи дѣлъ въ Сибири въ теченіе зимы 1918—1919 г. я не собирался нарисовать этимъ историческаго обзора, а лишь дать общую картину, какъ она рисовалась мнѣ, издавшему и народную армію, и Сибирь, а затѣмъ и сѣверо-западную армію. Мнѣ приходилось въ Омскѣ ежедневно видѣть людей, пріѣзжавшихъ съ самыхъ различныхъ мѣстностей, офицеровъ и чиновниковъ, близко стоявшихъ къ арміи и управленію, соприкасаться съ политическими организаціями и членами

ихъ, интимно и коротко знать людей, бывшихъ близкими къ адмиралу Колчаку. Вся обстановка говоритъ, что было необычайно трудно и сложно установить какой-либо порядокъ по огромному пространству Сибири, дѣлившейся на столько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей, разрѣшавшихъ вопросы по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, мало заботясь о болѣе далекихъ перспективахъ.

Можно одно лишь сказать, что единственно стоявшимъ на высотѣ — былъ Колчакъ. Я не знаю человѣка, выдавшаго его и не проникнувшася къ нему безграничнымъ уваженіемъ, преклоненіемъ къ его рыцарской личности. Его честность была исключительна. Энергія и желаніе нести съ честью взятый на себя крестъ — были очевидны.

Но есть, видимо, моменты исторіи, когда не въ силахъ одного человѣка преодолѣть окружающаго. Первоначальный моментъ для изгнанія большевиковъ силой былъ нашей мягкой, дряблой интеллигенціей упущенъ; слѣдующій же періодъ еще не наступилъ. Но во всякомъ случаѣ имя А. В. Колчака должно у всѣхъ любящихъ Россію остаться навсегда девизомъ честности и высокаго патріотизма. Онъ не погибъ бы такъ трагически, если кругомъ него было больше людей, дѣйствительно любящихъ родину и ставящихъ ея спасеніе выше всего остального.

14 марта 19 г. я выѣхалъ изъ Омска. На меня было возложено порученіе побывать въ Москвѣ для установленія связи съ находящимися тамъ государственно настроенными группами людей для ознакомленія съ положеніемъ въ Совдепіи, жизнь которой становилась все болѣе и болѣе для Сибири отдаленной.

Отправился въ Совдепію я не одинъ, а вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ, человѣкомъ интеллигентнымъ, бывалымъ, смѣлымъ, на котораго можно было всецѣло положиться. Всякія такія эскапады сопряжены, конечно, съ большимъ рискомъ и обдумать все предпріятіе, предвидѣть всѣ возможности поэтому дѣло довольно сложное. Эта задача тѣмъ болѣе была трудна, что ничего подъ руками не было, помощи оказать почти никто не могъ. Начать хотя бы съ паспорта, отыскиванія адресовъ знакомыхъ, надежныхъ людей, рекомендацій для остановокъ и ориентировокъ по дорогѣ вплоть до самой Москвы — все это лежало на насъ самихъ, ибо различныя развѣдочныя отдѣленія, обыкновенно опытные во время войны, тутъ оказывались совершенно кустарными, при этомъ и надѣяться на составъ ихъ, быть увѣренными въ отсутствіи предательства почти не было возможности. Приходилось быть сугубо осторожнымъ еще вслѣдствіе того, что всякій лишній разговоръ, посвященіе въ планы новаго лица подвергало возможности быть открытымъ большевистскими агентами, попасть подъ ихъ наблюденіе при переходѣ черезъ фронтъ.

Все это, повторяю, страшно затрудняло подготовительную работу и я безъ преувеличенія скажу, что, рѣшившись принять на себя исполненіе возложеннаго порученія, по крайней мѣрѣ полтора мѣсяца подготовки заставлялъ себя напрягать мысль къ предстоящему путешествію. Вѣдь нужно только вникнуть въ детали этого дѣла, чтобы понять, какъ оно сложно. Не говоря о полной разобщенности съ тѣмъ міромъ, куда я шелъ, и, слѣдовательно, абсолютнаго незнанія обстановки, правилъ порядка передвиженія, предьявленія документовъ и ихъ повѣрки, еще надо было предвидѣть отвѣты на всѣ предлагаемые по пути вопросы, при чемъ

эти отвѣты должны были логически вытекать изъ обстановки и даваемыя объясненія должны были совпадать съ намѣреніемъ продвигаться въ извѣстномъ направленіи и соотвѣтствовать моему облику, профессіи и т. д.

Остановились же на выборѣ меня и моего пріятеля, какъ на людяхъ, знакомыхъ съ штабной работой, а также и потому, что у меня были персональныя связи съ Волгой и Москвой, а у него кое-какія въ другихъ мѣстахъ. Мы не являлись обыкновенными агентами, посылаемыми развѣдочными учрежденіями въ прифронтной полосѣ съ какимъ либо однимъ опредѣленнымъ заданіемъ, а на насъ возлагалась работа по общему освѣдомленію, изученію, возможно болѣе широкому, положенія вещей, переговоровъ съ компетентными людьми и кругами, авторитетъ которыхъ былъ для Омска несомнѣненъ. Это не значило, конечно, исчерпать все и дать законченную картину, но выводы должны были быть объективными и опираться на матеріалъ, добытый у сознательныхъ круговъ, понимающихъ цѣли правительства въ Омскѣ.

12-го марта, какъ сейчасъ помню — въ среду, передъ отъѣздомъ мы были приняты адмираломъ Колчакомъ для полученія отъ него окончательныхъ указаній.

Адмирала Колчака мнѣ приходилось видѣть и раньше, до Сибирскаго періода, и всегда его личность производила впечатлѣніе сильными, правильными чертами лица, взглядомъ и рѣшительностью во всей его фигурѣ. Въ былое время онъ отличался, какъ, между прочимъ, и многіе изъ моряковъ (вспомните Станюковича), своей малой сдержанностью, распушенностью и горячностью въ рѣчи, но за это время, несмотря на его нервность, люди, близко знававшіе его и раньше, находили въ немъ большую перемѣну. Обвиненіе его теперь въ неустойчивости во мнѣніяхъ, отсутствіи якобы твердости въ рѣшеніяхъ и чуть ли не характера, я объясняю лишь слишкомъ сложной обстановкой, недостаточностью знанія мѣстныхъ народныхъ требованій, съ которыми ему приходилось на каждомъ шагѣ сталкиваться. Я, напримѣръ, слыхалъ отъ одного изъ близко стоящихъ къ нему людей, что получить объективное освѣщеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, въ области коопераціи или другихъ практическихъ вопросовъ, гдѣ государственныя задачи сталкивались съ мѣстными требованіями, было весьма трудно; если прибавить еще къ этому партійность, отъ которой дѣятели не могли избавиться, то станетъ яснымъ невозможность быть категоричнымъ.

Высказавъ краткія положенія о конъюнктурѣ, онъ намъ далъ порученіе передать благодарность нѣкоторымъ русскимъ кругамъ и группамъ, выразившимъ ему довѣріе и солидарность въ работѣ, а затѣмъ высказалъ программу, которую онъ клалъ въ основу дѣятельности и которая сводилась къ слѣдующему:

Послѣ очищенія Москвы вооруженными силами, единственно въ чемъ онъ видѣлъ возможность освободить страну отъ поработившаго ее ига, должна быть введена твердая военная власть, задача которой сводится къ недопущенію анархіи и введенію порядка, а также къ защитѣ населенія отъ грабежей и произвола. Послѣ водворенія, хотя бы относительнаго, порядка и спокойствія, можно немедленно приступить къ выборамъ въ Учредительное или Національное собраніе, которое и уста-

повить образъ Правленія въ государствѣ. При открытіи Собранія, какъ онъ подчеркнул, онъ и возглавляемое имъ Правительство немедленно заявятъ о сложеніи съ себя полномочій и тогда уже будетъ дѣло Собранія рѣшить кому передать бразды правленія до окончательнаго установленія рѣшенія о принципахъ государственнаго Верховнаго Управленія. Но до момента открытія собранія, онъ намъ сказалъ, власть передана никому другому быть не можетъ, такъ какъ иначе это немедленно вызоветъ новую гражданскую войну въ странѣ, не успѣвшей еще оправиться отъ первой, и никакіе претенденты допущены не будутъ; персональныя перемѣны въ правительствѣ, конечно, возможны. Тутъ, повидимому, онъ намекалъ на Парижъ, гдѣ въ это время Авксентьевъ и другіе зашевелились и подняли голову. На мой вопросъ, не будутъ ли допущены какіе-либо выборы до паденія Москвы, онъ заявилъ, что до успокоенія страны считаетъ всякіе выборы и связанную съ ними агитацію крайне вредной, такъ какъ она отражается на крѣпости и цѣльности арміи. Его же все стремленіе направлено къ созданію твердой дисциплинированной военной силы, могущей принести спокойствіе и защиту населенію. Онъ прибавилъ еще, что ему нужны честные люди, какъ военные, такъ и гражданскіе, и потому онъ проситъ организаціи, раздѣляющія его программу, направлять къ нему живыя силы, а также освѣщать ему положеніе внутри страны и не терять съ нимъ и его правительствомъ связи.

Въ заключеніе онъ намъ передалъ кое-какія спеціальныя указанія, о которыхъ пока не время еще говорить. Далъ также порученіе проѣхать къ ген. Юденичу и далъ указаніе относительно морского командованія на Балтійскомъ морѣ (назвавъ нѣсколько именъ, какъ адм. Пилкина, Бахирева, Развозова); это видимо его интересовало, онъ уполномочилъ насъ все вышесказанное передать отъ его имени и, пожелавъ счастливаго исполненія, отпустилъ насъ.

Та твердость и сила проявившіяся въ его глазахъ, во время этого разговора, оставили во мнѣ очень сильное впечатлѣніе, заражали своей искренностью, и я ушелъ отъ него съ еще болѣе жгучимъ желаніемъ исполнить взятое на себя дѣло.

Повидавъ передъ отъѣздомъ близкихъ людей и политическихъ друзей, посвященныхъ въ предпринимаемое мной путешествіе, и получивши полномочіе на освѣщеніе общей обстановки нашимъ политическимъ единомышленникамъ, я тронулся въ путь.

Въ это время все кругомъ ликовало.

9-го марта пала Уфа и Чешмы, затѣмъ Бирскъ, Стерлитамакъ и вообще успѣхи на фронтѣ были огромные. Это, конечно, поднимало настроеніе послѣ зимней спячки и воодушевляло всѣхъ участниковъ бѣлаго дѣла, казавшагося такимъ правымъ и справедливымъ.

Успѣхи же эти совпали съ предложеніемъ Лойдъ-Джорджа о Принцевыхъ островахъ, и казалось, что этими побѣдами и успѣхами брошенъ отвѣтъ на его недостойное отношеніе къ Россіи. Однимъ словомъ, чувствовались сила и вѣра въ себя, въ возможность освобожденія Москвы. Попавъ въ вагонъ, пришлось намъ сразу принимать мѣры предосторожности, чтобы своими лицами на станціяхъ не привлекать вниманіе лишнихъ свидѣтелей, съ которыми, можетъ быть, придется еще встрѣтиться и на фронтѣ, почему благоразуміе требовало смѣшаться съ толпой.

Въ вагонѣ третьяго класса, въ который мы попали, ѣхала компанія пьяныхъ офицеровъ, направлявшихся на фронтъ; она вела себя самымъ безобразнымъ образомъ. Не говоря объ ихъ ссорахъ, дракахъ съ пьяными же писаремъ и фельдфебелемъ, часть изъ нихъ еще везла съ собою запасы сахара и другіе предметы, купленные ими по болѣе дешевымъ цѣнамъ въ Манджуріи и Иркутскѣ, съ расчетомъ перепродать все это по болѣе высокой цѣнѣ на фронтѣ. Словомъ, впечатлѣніе производили они недостойное, не отвѣчающее офицерскому званію, что, конечно, невольно заставляло думать о ненадежности этой опоры для Колчака.

Черезъ двое сутокъ прибыли мы въ Челябинскъ. Въ немногихъ верстахъ отъ него, стояло нѣсколько сотенъ паровозовъ, находившихся въ самомъ печальномъ состояніи. Большинство изъ нихъ были такъ называемые — замерзшіе, т.-е. испорченные выпускомъ изъ котловъ воды въ сильный холодъ, другіе стояли безъ трубъ, были и просто исковерканные. Эти остатки отъ прежнихъ еще боевъ 18 года, или вывезенные изъ-подъ Уфы при ея сдачѣ, представляли изъ себя видъ какого то кладбища, говорившаго о прежнемъ богатствѣ Россіи и указывавшаго на ту колоссальную работу, каковую предстояло произвести, чтобы хоть немного вернуться къ прежнему положенію.

Въ Челябинскѣ я отыскалъ знакомаго мнѣ особоуполномоченнаго Краснаго Креста Западной арміи, князя Голицына (быв. самарскаго губернатора, погибшаго затѣмъ въ большевистской тюрьмѣ отъ тифа), который и помогъ мнѣ двинуться дальше. Работа Кр. Креста шла весьма оживленно, но поражалъ полный недостатокъ всего самаго насущно-необходимаго, какъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, такъ и всякаго другаго оборудованія.

Пробывъ въ Челябинскѣ нѣсколько дней, съ трудомъ дождавшись возможности двинуться дальше, поѣхали на Уфу черезъ Златоустъ. Въ Уфѣ мы рассчитывали ориентироваться и получить указанія для дальнѣйшаго продвиженія. Насъ все время очень стѣсняло то обстоятельство, что мы должны были избѣгать выявлять свое лицо и цѣль, которую преслѣдовали. Это мѣшало во всѣхъ отношеніяхъ, на каждомъ шагу; тутъ же въ это время шло усиленное передвиженіе на фронтъ военныхъ частей для усиленія и укрѣпленія подвигавшихся весьма быстро впередъ армій и потому вольныхъ людей, одѣтыхъ при томъ довольно неопрятно, ни одинъ комендантъ поѣзда брать къ себѣ не хотѣлъ. Попадая же въ военный эшелонъ, приходилось слышать упреки, что одни идутъ умирать, въ то время какъ другіе прячутся отъ пуль.

Это хорошее отношеніе къ дѣлу и фронту, конечно, исходило лишь отъ частей, имѣвшихъ военный видъ и отъ молодежи — офицеровъ, бывшихъ все время въ бояхъ. Но зато попавъ въ эшелонъ запасной части, шедшей на пополненіе, пришлось наблюдать совсѣмъ другую картину. Во первыхъ, эти части оказались совсѣмъ раздѣтыми; на нихъ были не сѣрыя солдатскія шинели, какъ на кадровыхъ, а собственные, толстыя, чуть ли не доморощенные куртки и пиджаки, самыя разнообразныя шапки и, главное, что было самое скверное, — вмѣсто сапоговъ были валенки, раскисавшія отъ начавшейся оттепели и мокроты, а ихъ все время вызывали изъ вагоновъ на самыя различныя погрузки и выгрузки. Какъ выяснилось изъ разговоровъ, это все были запасные изъ различныхъ

районовъ Зап. Сибири, только что мобилизованные передъ самымъ наступленіемъ, — безъ какихъ либо предварительныхъ обученій, втягиванія въ военное дѣло, — они были просто посажены на поѣзда и отправлены на фронтъ — сражаться. Это все были люди 25—28 лѣтъ, бывшіе ранѣе на военной службѣ, возвращенные за время войны и революціи и потому явно не желавшіе идти воевать. Недовольство ихъ усиливалось еще тѣмъ, что приближалось время весеняго посѣва, а они по принужденію шли сражаться, не зная куда и за что. Вообще, эта картина вселила сразу въ насъ испугъ за начатое наступленіе.

На одной изъ станцій, гдѣ нашъ эшелонъ застрялъ, кажется въ Златоустѣ, мы обратились къ генералъ губернатору этой мѣстности, генералу Вишневному, перебивавшемуся въ Уфу, и черезъ его помощника П. П. Башилова мы получили мѣсто въ ихъ поѣздѣ. Однако, не дождавшись его отправки, мы устроились на бронированный поѣздъ, шедшій по тому же направленію, который своимъ личнымъ составомъ и хорошимъ настроеніемъ команды опять внушалъ довѣріе.

Вообще, надо было признать, что на ряду съ хорошими испытанными частями были и скверныя, несжившіяся, не имѣвшія того, съ чѣмъ можно было ожидать довершенія дѣла до славнаго конца, избавленія перестольной отъ красной нечисти.

Что внушало еще опасеніе, такъ это значительное количество попадавшихся намъ на большихъ станціяхъ — отъ самаго Омска — какихъ то темныхъ личностей съ наглыми лицами, явно не принадлежащихъ къ бѣлымъ частямъ. Особенно подозрительны мнѣ были нѣкоторыя изъ нихъ въ Челябинскѣ, среди которыхъ я увидалъ на толкучкѣ около станціи типы лицъ, дающіе полную увѣренность, что это матросы, только снаружи снявшіе съ своихъ бушлатовъ отличительные знаки, сбросившіе свою одежду и фуражки, и только этимъ отличавшіеся отъ тѣхъ, которыхъ можно было видѣть послѣ революціи по всему Петрограду.

О своихъ наблюденіяхъ мы тутъ же дали знать въ Омскъ для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ черезъ Попеляева, завѣдывавшаго тогда полиціей, при чемъ также указали, что по дорогѣ отъ Омска у насъ никто ни разу не провѣрялъ документы и небрежность въ этомъ отношеніи чувствовалась большая. Характерно, какъ мало вообще налажено было дѣло и какъ все велось спустя рукава, что особенно поражало насъ въ послѣдствіи при передвиженіи по Совдепѣи.

Я забылъ еще упомянуть объ обращеніи денежныхъ знаковъ въ Сибири. Вѣдь тамъ, кромѣ царскихъ, думскихъ, керенокъ, купоновъ отъ займовъ, ходили еще Сибирскіе, выпущенные правительствомъ въ концѣ 18 года. Всѣ эти деньги, на примѣръ въ Омскѣ, котировались до лѣта 1919 г. по одной цѣнѣ и лишь иногда ощущался острый недостатокъ въ размѣнной монетѣ, благодаря чему по ресторанамъ, парикмахерскимъ и т. д. ходили еще свои доморощенные боны, принимавшіеся лишь постоянными посѣтителеми. Но по дорогѣ въ вагонѣ, гдѣ то около Кургана, мнѣ пришлось столкнуться съ существованіемъ различной разцѣнки денежныхъ знаковъ, при чемъ сибирскіе, какъ оказалось, котировались ниже думскихъ, которые въ свою очередь шли дешевле царскихъ. За пудъ партіи пшеницы, только что проданной по 22 рубля керенокъ, было

уплочено частью по 25 сибирскихъ, а частью 20 царскими. Это объяснялось близостью фронта, гдѣ керенки ходившія по обѣ его стороны считались болѣе удобными, чѣмъ сибирскія, имѣвшія лишь одностороннее хожденіе. И тутъ большевики, не считавшіеся съ населеніемъ и различными этическими и справедливыми требованіями и просто принуждавшіе къ исполненію своихъ желаній, достигали того, что преимущество было не на сторонѣ бѣлыхъ.

Добравшись до Уфы, мы сдѣлали окончательныя приготовленія для дальнѣйшаго пути, остановились на маршрутѣ и двинулись къ фронту. Намъ приходилось возможно торопиться, чтобы еще по снѣжному пути, до распутицы, перебраться черезъ фронтъ и достигнуть станціи желѣзной дороги, ведущей къ центру Россіи. Положеніе дѣлъ указывало, что намъ предстоитъ подняться къ сѣверу отъ линіи желѣзной дороги на 80—100 верстъ, къ этому надо было прибавить обратный спускъ, плюсъ различныя задержки въ дорогѣ. Я же, по опыту зная, что значить мартъ въ степныхъ мѣстахъ Поволжья, надежнымъ снѣжнымъ покровомъ себя не убаюкивалъ.

Уфа только что, двѣ недѣли передъ этимъ, была быстрымъ маршемъ отрѣзана отъ станціи Чешмы (узловой пунктъ на линіи — Самара и Симбирскъ) и взята была, благодаря этому, безъ боя нашими частями, почему и желѣзно-дорожный мостъ черезъ рѣку Бѣлую остался въ порядкѣ. Жизнь въ Уфѣ еще не наладилась, чувствовался во всемъ недостатокъ; базаръ только что начиналъ торговать, рѣдкіе магазины открылись, ибо торговать было почти нечѣмъ. За зиму красными все было очищено, изъ Сибири привозъ еще не наладился, а окружающія деревни начали доставлять лишь сѣстные припасы. Отношеніе населенія было къ намъ благожелательно, за исключеніемъ лишь части рабочихъ, враждебно настроенныхъ къ бѣлымъ, — что объяснялось особымъ бережливымъ отношеніемъ къ нимъ красныхъ. Приходилось наталкиваться и на единичные случаи недоброжелательства и не рабочихъ. Напримѣръ, везшій меня извозчикъ жаловался, что съ уходомъ красныхъ ему стало хуже, такъ какъ при нихъ онъ получалъ 1½ фунта хлѣба за 1 р. 20 коп. и сколько-то овса для лошади, теперь же, съ крушеніемъ аппарата красныхъ, выдачи хлѣба нѣтъ, базарныя же цѣны на хлѣбъ были сначала по 8 р. и лишь теперь спали до 4 р. за фунтъ. Правда, за тѣ 3 дня, которые мы пробыли въ Уфѣ, цѣна пала еще, но во всякомъ случаѣ это показывало, что разрѣшеніе свободной торговли съ прекращеніемъ выдачи продуктовъ по карточкамъ не могло удовлетворять ту часть населенія, которая при большевикахъ находилась въ привилегированномъ положеніи, и безъ принятія соотвѣтствующихъ мѣръ даже въ такихъ хлѣбныхъ мѣстахъ, какъ Уфѣ, это вызывало неудовлетворенность, чего упускать изъ вида нельзя было. Между тѣмъ, этотъ вопросъ военное начальство мало интересовало, да и обсужденія его я нигдѣ и въ Омскѣ не слыхалъ.

25-го мы двинулись съ эшелономъ дальше на Чешмы, находившіеся въ 40 верстахъ отъ Уфы, куда къ слѣдующему утру и прибыли. Въ эшелонѣ повторилась та же тревожная картина съ запасными, и даже еще въ болѣе рѣзкихъ тонахъ, изъ которой было ясно и нежеланіе и даже нескрываемое, переходящее въ враждебное настроеніе, отношеніе къ властямъ, принуждавшимъ ихъ куда то двигаться.

Въ Чешмахъ мы, послѣ долгихъ хлопотъ и то только благодаря указаніямъ, полученнымъ нами отъ частныхъ лицъ еще въ Уфѣ, въ порядкѣ информации, съ трудомъ нашли себѣ за плату возчика, взявшагося насъ доставить версть за 15 къ сѣверу. Мѣняя такъ возчиковъ, мы проѣхали болѣе 120 верствъ и на слѣдующій день къ вечеру прибыли въ большое село Бакалы, которое уже считалось на линіи фронта и въ которомъ стояли передовыя части 2-го сибирскаго корпуса. Хотя нашъ путь совершенно былъ въ полной безопасности, непосредственно за линіей бѣлаго фронта, но опять таки, по тѣмъ же причинамъ, что и раньше, приходилось избѣгать какихъ-либо лишнихъ сношеній съ властями, дабы меньше о себѣ распространяться и меньше касаться причины поѣздки.

Въ деревняхъ, въ избахъ при смѣнахъ лошадей или отдыхѣ, мы говорили лишь, что ѣдемъ къ рѣкѣ Бѣлой для розыска баржей и учета хлѣба, собраннаго красными у пристаней за истекшую зиму.

Татары, у которыхъ мы останавливались, были настроены все поголовно противъ только что ушедшихъ красныхъ, рассказывали о различныхъ хулиганствахъ комиссаровъ, притѣсненіяхъ и съ удовольствіемъ описывали ихъ неожиданное бѣгство при приближеніи бѣлаго фронта. Это настроеніе, по моему глубокому убѣжденію, какъ знающему хорошо характеръ нашего степного земледѣльческаго населенія, было вполне искренно, и я не думаю, чтобы отрицательныя черты бѣлой власти могли бы сыграть въ этомъ районѣ слишкомъ большое значеніе. Тутъ же смѣна властей произошла такъ быстро, что тяготы ощущаемыя всегда въ прифронтной полосѣ, благодаря быстрому движенію армій, перескочили черезъ голову населенія почти неощутимо.

Въ Бакалахъ мы разыскали коменданта, и, открывшись ему, спросили указаній и совѣтовъ, какъ намъ двигаться дальше. Оказалось, что мы избрали правильное направленіе, ибо къ этому моменту красные отскочили въ этомъ мѣстѣ, какъ не находящемся вблизи линіи полотна желѣзной дороги, далеко, и сплошной линіи или деревень, занятыхъ частями, не было. Благодаря этому, передъ Бакалами оказалось пустое пространство и только развѣдка ходила въ нѣкоторые пункты и села, которыхъ приходилось остерегаться.

Выѣздъ изъ Бакаловъ въ сторону красныхъ разрѣшался лишь подводчикамъ и жителямъ ближайшихъ деревень. Поэтому приходилось опять ловчиться, чтобы не возбудить подозрѣнія у подводчиковъ за полученное разрѣшеніе отъ коменданта на выѣздъ изъ села, ибо открыться мѣстнымъ жителямъ, конечно, не было никакой возможности. Подрядивъ подходящаго мальченка доставить насъ версть за 15, мы тронулись въ расчетъ добратся до небольшого села, гдѣ можно уже было спутать дальнѣйшія карты.

Этотъ переѣздъ и ближайшіе этапы при прохожденіи фронтной полосы былъ для насъ самымъ серьезнымъ. Съ одной стороны документы бѣлыхъ нужны были для бѣлой развѣдки и заставъ, а съ другой стороны эти же документы при случайномъ столкновеніи съ краснымъ развѣздомъ губили все дѣло, и мы рисковали головой, какъ шпионы.

Отличить же красныхъ отъ бѣлыхъ, въ особенности зимой, въ случаѣ неожиданной встрѣчи, было почти невозможно и потому приходилось исподволь, аккуратно спрашивать населеніе о возможности встрѣтить

кого-либо изъ вооруженныхъ разъѣздовъ, дабы и принять своевременно соответствующія мѣры. Поэтому, удаляясь отъ линіи фронта, мы постепенно уничтожали документы, разрывая и пуская ихъ лепестки по вѣтру, оставляя лишь самые необходимые, при чемъ держали ихъ все время въ рукахъ, чтобы въ случаѣ опасности успѣть ихъ уничтожить.

Но съ Божьей помощью первое препятствіе мы одолѣли и версть черезъ 25 мы убѣдились, что находимся въ нейтральномъ районѣ, куда бѣлые еще не дошли, красные же за недѣлю передъ этимъ въ спѣшномъ порядкѣ отступили, грозя населенію по своему возвращенію показать свою силу. Тутъ мы уничтожили всѣ компрометирующія насъ бумаги, оставивъ лишь при себѣ специально заготовленные для Совдепін.

Послѣ нѣсколькихъ перепряжекъ, мы въѣхали въ большое село, которое оказалось тоже брошеннымъ красными войсками и мѣстными представителями власти, боявшимися ответственности за свою дѣятельность. Такимъ образомъ, село осталось буквально безъ всякой власти и оно отдыхало отъ подводныхъ и другихъ повинностей. Но стоило бы лишь одной изъ воюющихъ сторонъ дойти до такого села, хотя бы единичнымъ разъѣздомъ, какъ сейчасъ же сходъ выставилъ бы и подводы и все другое безъ сопротивленія. Это обстоятельство, именно эта легкая подчиняемость и страхъ за свою шкуру заставлялъ жителей, явно съ отвращеніемъ говорящихъ о большевикахъ, замолкать при входѣ въ избу кого либо посторонняго или сосѣда. Съ нами тоже на первыхъ порахъ въ избѣ, куда насъ привезъ возница, боялись говорить, и лишь успокоеніе извозчика, свыкшагося съ нами за время переѣзда, развязывало языки, что, конечно, еще подкрѣплялось вѣрой въ надежность освобожденія отъ краснаго режима. По словамъ нашихъ хозяевъ, самое страшное для нихъ была мѣстная молодежь, душой преданная большевикамъ и потому считавшая своей обязанностью слѣдить за настроеніемъ населенія, чтобы потомъ выслужиться передъ тѣми же волостными комиссарами, выказавъ свое усердіе и причастность къ дѣлу управленія и къ коммунизму.

Кое-какъ доставъ лошадь, мы двинулись дальше. Не рискнувъ взять съ собой карты мѣстности, приходилось называть лишь болѣе отдаленные крупные пункты, что отдавало насъ во власть ямщиковъ, считавшихъ себя болѣе компетентными и авторитетными въ дѣлѣ безпрепятственнаго передвиженія. Приходилось лишь высказывать желаніе, чтобы везли болѣе глухими селами, гдѣ меньше риску встрѣтить «красноармейцевъ» и въ особенности ихъ штабы, ибо встрѣча съ ними по нашему объясненію, грозила потерей времени, а весна, вступая въ свои права, замѣтно портила санный путь и возможность свободнаго передвиженія.

Ямщики и возчики вполнѣ раздѣляли съ нами желаніе быть дальше отъ военныхъ, старались въ совѣтахъ съ своими сосѣдами и домашними изыскивать болѣе спокойныя мѣста, спрашивая только что вернувшихся подводчиковъ, отвозившихъ отступающихъ красноармейцевъ. Намъ задавали только вопросъ, имѣются ли совѣтскіе документы и въ порядкѣ ли они, потому что боялись, что при допросѣ не пришлось бы отвѣтить за насъ и имъ самимъ.

Къ вечеру же перваго дня мы попали въ татарское село, откуда ямщикъ брался насъ доставить за 50 версть въ село М. уѣзда, гдѣ у него

были знакомые или родственники, и гдѣ онъ помогъ бы намъ ориентироваться для дальнѣйшаго продвиженія. Онъ убѣждалъ насъ положиться на него и не жалѣть денегъ. Поставилъ самоваръ, наладилъ закуску и мы принялись за обсужденіе. Для вящего успѣха мы вытащили приготовленную для подобнаго случая бутылку казенной водки, взятую еще въ Омскѣ, что несомнѣнно должно было поддаться духу нашему возницѣ. Моментъ былъ серьезный и нужно было пустить всѣ средства, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи для достиженія успѣха.

Часовъ въ 9 вечера на парѣ добрыхъ коней, запряженныхъ гусемъ, съ колокольчикомъ на дугѣ, подъ неистовый лай собакъ, этой необходимой принадлежности всякаго татарскаго селенія, мы тронулись въ путь. Повезъ насъ ямщикъ дѣйствительно глухими небольшими деревнями. Подѣхали, наконецъ, къ тому селу, гдѣ предполагалось смѣнить лошадей; оно оказалось довольно большимъ, съ волостнымъ правленіемъ и базаромъ; не доѣзжая до села, ямщикъ рѣшилъ остановиться и подвязалъ колокольчикъ, считая это болѣе осторожнымъ при вѣздѣ въ околицу спящаго, какъ думали, села. Однако, во время этой остановки, мы вдругъ ясно услышали по морозной ночи впереди, въ селѣ, неистовый собачій лай и затѣмъ нѣсколько громкихъ выстрѣловъ.

Сомнѣнія не было, въ селѣ были красноармейцы.

Я началъ немедленно настаивать на недопустимости вѣзда въ него ночью, безъ предварительной развѣдки, считая, что попасть въ руки шатающейся по улицѣ, можетъ быть, пьяной красноармейской банды было прямо безразсудно. Хотя спутникъ мой и сопротивлялся возвращенію обратно, жалѣя потеряннаго времени, но все же удалось его уговорить вернуться въ ближайшую деревушку къ знакомому ямщику, черемису, дабы у него ориентироваться. Время же было около полночи.

Черемисъ, къ которому мы приѣхали, разсказалъ, что дѣйствительно въ селѣ стоятъ красные и при томъ штабъ какой то крупной части и ночью ввиду тревожнаго состоянія переживаемаго властями, ѣхать опредѣленно не совѣтовалъ, обѣщая на утро помочь достать лошадь.

Изба нашего хозяина оказалась безобразно грязной и вонючей, но лошади послѣ 50 верстъ быстрой ѣзды, настолько утомились, что благоразуміе требовало ночевать.

Не найдя къ утру смѣны лошадямъ, ибо по селу былъ объявленъ десятникомъ нарядъ на подводы для красноармейцевъ, мы рѣшили вернуться къ татарину ямщику въ исходное положеніе, гдѣ въ переговорахъ и обсудить дальнѣйшій образъ дѣйствія, такъ какъ намъ, по правдѣ сказать, взятое направленіе довѣрія не внушало; мы лѣзли прямо въ районъ кишачій войскамъ и обстановка говорила за необходимость держать курсъ болѣе на западъ, чтобы скорѣе выйти изъ фронтальной полосы. То, что насъ остановилъ лай собакъ, и мы не вѣхали въ село, вѣроятно, спасло насъ, какъ потомъ выяснилось, отъ весьма скверныхъ послѣдствій.

Приѣхавъ на слѣдующій день на станцію, лежащую на Бугульминскомъ трактѣ, мы рѣшили ѣхать на Чистополь, такъ какъ подъ Бугульмой шли въ это время сильные бои и пропуска туда не было. Здѣсь мы впервые встрѣтили большевистскія власти въ лицѣ пролеткульта, коменданта-матроса и т. д.

Обойдя ихъ и предъявляя документы, мы просили пропуска на Казань; однако, власти посылали насъ изъ одной инстанціи въ другую, никто толкомъ не зналъ, нуженъ ли письменный пропускъ для пути и вообще, чувствовалась большая неувѣренность среди начальства. Кое-какъ мы въ итогѣ получили краткую записку, послѣ чего хозяинъ станціи согласился намъ дать лошадь. Вообще, какъ я и позже неоднократно убѣждался, связи и цѣльности распоряженія у властей абсолютно не было.

Въ «пролеткультѣ», который оказался на гастролѣ тутъ, насъ поразили какія-то служащія тамъ молодыя дѣвицы, одѣтыя во все солдатское и весьма не двусмысленно заговаривавшія съ нами въ тѣсной канцеляріи, въ которую мы попали. Впечатлѣніе отъ всей этой обстановки даже у насъ, бывалыхъ людей, создавалось весьма странное и, я бы сказалъ, отталкивающее.

Между прочимъ, на базарѣ открыто торговали бѣлымъ хлѣбомъ, кренделями и копчеными продуктами по весьма сноснымъ цѣнамъ. Повидимому, въ этомъ глухомъ мѣстѣ, за истекшую зиму власти порядковъ своихъ еще ввести не успѣли, такъ какъ дальше по пути мы нигдѣ ничего подобнаго не встрѣчали.

По дорогѣ, по которой мы ѣхали на Чистополь, пролегающей, кстати сказать, по весьма красивой мѣстности, обсаженной еще кое-гдѣ березами Екатерининскаго времени, остались еще отъ стараго цензового земства — ямскія станціи. Къ этому времени онѣ переходили въ вѣдѣніе уѣздной совѣтской власти и хозяева-ямщики въ одинъ голосъ говорили, что они не дождутся нарушенія съ ними контрактовъ, которые были заключены раньше и которые ихъ заставляютъ все еще выполнять; а хозяйство, между тѣмъ, стало вести невозможно, нельзя достать корма, починить сбрую, подковать лошадь и, вообще, все дѣло выбилось окончательно изъ рукъ, разъѣздовъ же за зиму проѣзжавшихъ делегатовъ, ревизоровъ, комиссаровъ, эмиссаровъ было масса.

Проѣхавъ по тракту нѣсколько станцій, мы стали чувствовать уже нѣкоторый надзоръ за проѣзжающими. По селамъ какіе-то молодые люди лѣтъ 18—20, вооруженные винтовками и охотничьими ружьями, насъ останавливали, спрашивали документы и, хотя въ результатѣ не задерживали, но говорили, что по ночамъ ѣздить не полагается и проявляли при этомъ начальствующій тонъ, почему мы въ итогѣ рѣшили добратъся до первой же слѣдующей станціи, гдѣ и заночевать. На вопросъ о солдатахъ послѣдній насъ везшій возница заявилъ, что о нихъ ничего не слышно, и мы со спокойной душой подѣхали къ ямской станціи.

Это было часовъ въ 10—11 вечера, въ ночь на 1-е апрѣля. Ночь эту я до конца своей жизни не забуду.

Едва мы успѣли вылѣзти изъ саней у крыльца ямщика, къ которому насъ все еще по старой ямской традиціи подвезли съ колоколами, какъ вышедшій къ намъ на шумъ новый хозяинъ вполголоса заявилъ съ нескрываемой тревогой, что у него ночуетъ въ избѣ карательный отрядъ, но что, однако, теперь дѣлать нечего, надо входить.

Хозяинъ провелъ насъ сперва въ черную часть избы, гдѣ мы и раздѣлись, послѣ чего спутникъ мой вошелъ въ отдѣленіе, предназначенное

для ночевки, гдѣ расположилось на полу 7 человекъ солдатъ, составлявшихъ часть отряда, начальство котораго расположилось въ другомъ концѣ села.

Какъ только мой товарищъ къ нимъ взошелъ, красноармейцы, по его словамъ сразу же, какъ змѣи, подняли головы и тутъ же принялись за разспросы, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ, по какимъ документамъ, есть ли пропускъ и такъ далѣе.

Немного погодя, вышли и ко мнѣ съ тѣми же разспросами.

Нашъ отвѣтъ, что мы изъ Уфы и служебныхъ документовъ на рукахъ не имѣемъ, имъ не понравился. Одинъ изъ нихъ одѣлся и, повидимому, пошелъ съ докладомъ въ штабъ. Хозяинъ наладилъ было намъ самоваръ и пока мы оставались въ комнатѣ одни, успѣлъ шепнуть, что отрядъ этотъ состоитъ изъ 15 человекъ, звѣри, а не люди, ѣдутъ изъ какого то сосѣдняго села, гдѣ расправлялись съ народомъ, не желавшимъ подчиняться ихъ распоряженію по доставкѣ для красноармейцевъ какихъ то продуктовъ. Расправа по его словамъ была самая жестокая, подверглось избіенію много жителей и въ голосѣ его чувствовалось негодование.

Вскорѣ ходившій въ штабъ солдатъ вернулся и намъ рѣзкимъ начальствующимъ тономъ сказалъ: «ну, новые товарищи, одѣвайтесь» и подойдя къ винтовкамъ, стоящимъ въ углу, велѣлъ еще двумъ своимъ соратникамъ взять ихъ. Тѣ это и сдѣлали, щелкая затворами. Я спросилъ тогда, далеко ли идти намъ и нужно ли одѣвать полушубокъ.

У меня заработала мысль въ томъ направленіи, что, видимо, поведутъ на разстрѣлъ и потому, если быть безъ теплой одежды, то, въ случаѣ и ранять, а не убьютъ, можетъ быть, какъ нибудъ уползу, отъ шубы же попавшая въ тѣло шерсть при выстрѣлѣ вызоветъ неминуемое зараженіе. Тутъ я еще вспомнилъ почему то случай съ нѣкимъ прис. повѣр. Малиновскимъ, председателемъ Симбирской кадетской группы, который, будучи раненымъ во время разстрѣла, уползъ и затѣмъ былъ даже въ Омскѣ оберъ-секретаремъ Сената. Получивъ приказаніе одѣваться, мы одѣлись и вышли. Была метель, дороги не было видно и мы пошли гуськомъ. Впереди шелъ одинъ изъ конвоировъ, за нимъ мой спутникъ, потомъ я, а двое остальныхъ провожатыхъ — сзади. У командовавшего была отвратительная фізіономія; онъ былъ съ рыжей бородой; на видъ было ему лѣтъ 35.

Немного спустя, когда мы шли уже посреди села, вдругъ, одинъ изъ шедшихъ сзади отошелъ въ сторону шаговъ на 25—30 и снялъ съ плечъ винтовку. Сообразивъ, что онъ будетъ стрѣлять, я инстинктивно замедлил шагъ, дабы быть на створѣ съ моими провожатыми (товарища же моего закрывалъ своимъ туловищемъ идущій впереди) и такимъ образомъ помѣшалъ стрѣльбѣ. На это оставшійся сзади меня закричалъ, зачѣмъ я отстаю и скинулъ тоже винтовку съ плечъ. Тогда, возвысивъ голосъ, я твердо спросилъ отошедшаго въ сторону: «а что, товарищъ, стрѣлять будешь?», на что получилъ послѣ минутной паузы отвѣтъ: «нѣтъ, не буду». Я со словами «вѣрю вамъ, товарищи», пошелъ дальше.

Вся обстановка и впечатлѣніе до сихъ поръ мнѣ говорятъ, что отошедшій безусловно хотѣлъ стрѣлять, но какъ часто бываетъ — окрикъ изменилъ психологію, моментъ былъ упущенъ и дѣло обошлось. По крайней мѣрѣ, онъ надѣлъ вновь ремень винтовки на плечо и присоединился къ намъ. Придя въ избу, гдѣ находился ихъ штабъ, мы застали человекъ

5—6 сидящихъ за освѣщеннымъ столомъ. Самый молодой изъ компаніи оказался комиссаромъ-коммунистомъ и начальникомъ отряда. Начался разговоръ съ осмотра документовъ, съ повтореніемъ уже заданныхъ намъ вопросовъ въ первой избѣ. Заинтересовались они въ результатѣ тѣмъ, что мы прошли фронтъ и ѣдемъ изъ Уфы. Помощникъ комиссара, не мальчишка, повидимому изъ прежнихъ полицейскихъ, занялся паспортами, крайне внимательно изучая ихъ, заинтересовался подписями, заподозривъ ихъ фальшивыми, старался сбить насъ переспросомъ фамилій и т. д. Но все это дѣлалось такъ грубо, а съ другой стороны такъ логичны были даваемые нами отвѣты съ мотивировкой о цѣляхъ поѣздки къ своимъ семьямъ, что мы изъ первой части искуса вышли совершенно чистыми. Въ результатѣ комиссару надоѣли эти разспросы, онъ отвлекся нашими рассказами, какъ мы вырвались изъ Уфы, о сдачѣ которой бѣлымъ онъ даже и не зналъ. Поэтому онъ отклонилъ предложенія своего помощника обыскать насъ и арестовать, а началъ снимать съ насъ показанія о бѣлыхъ войскахъ, ихъ расположеніи, наименованіи частей, количествѣ людей и т. д., которыя своей общностью, конечно, существенными и вредными для дѣла быть не могли. Все это онъ внимательно записывалъ, видимо для донесенія. Попутно разспрашивалъ о слухахъ про Колчака, его дѣятельности, вообще интересовался нашими свѣдѣніями о бѣлыхъ.

Въ концѣ концовъ, насъ отпустили, спросили, найдемъ ли дорогу обратно. Кто-то изъ провожающихъ сказалъ: «ну, счастье ваше, что живы остались, а небось струсили?»

Придя въ избу ямщика, мы расположились было спать, какъ вдругъ появился помощникъ комиссара въ сопровожденіи рыжаго, и еще какого то другого товарища и заявили, чтобы мы показывали всѣ наши вещи, что они произведутъ обыскъ. Вновь потребовали документы. Этотъ обыскъ былъ верхомъ тщательности. Они вывернули абсолютно все, прощупали каждую складку одежды, раздѣли до гола, высыпали чай, сахаръ, табакъ, однимъ словомъ, въ теченіе 3—4 часовъ такъ обыскали нашъ незатѣйливый багажъ, что мы могли быть спокойными послѣ, что чего-либо компрометирующаго на насъ абсолютно нѣтъ. Измучивши насъ вдоволь, отчего заплакала даже съ жалости находящаяся въ сосѣдней комнатѣ хозяйка дома, намъ позволили лечь спать, а мучители ушли.

При обыскѣ у насъ не взяли ничего. Къ счастью, денегъ съ нами было немного, у одного тысячи четыре, у другого около пяти. Это было нами предусмотрено, такъ какъ мы понимали, что большое количество денегъ наводило на насъ подозрѣніе, а также и вводило въ искушеніе. Зарились они все на имѣвшуюся у меня $\frac{1}{2}$ бутылки коньяку, но, разыгрывая изъ себя честныхъ, неподкупныхъ коммунистовъ, они отбирать ничего не хотѣли. Да думаю и многочисленность ихъ, считая и находившуюся въ комнатѣ ихъ команду, удерживала ихъ отъ конфискацій.

На утро, чуть свѣтъ, пока еще солдаты спали, мы двинулись дальше. Пока мы собирались, къ намъ вышелъ одинъ изъ красныхъ, съ виду совершенно деревенскій парень, и въ разговорѣ началъ плакаться на судьбу, что эта жизнь ему опротивѣла, что служба его угнетаетъ и онъ ждетъ лишь случая, какъ бы отъ нея избавиться, уйти домой въ деревню. Говорилъ это онъ искреннимъ тономъ, видимо, дѣйствительно эта служба ему опротивѣла.

Приѣхали на слѣдующую станцію. Нашъ новый хозяинъ принялъ большое участіе въ пережитомъ нами ночью, кляня на чемъ свѣтъ стоитъ карательный отрядъ, передавъ, что солдаты, поступающіе въ него, приносятъ присягу, расписываясь кровью, что не будутъ жалѣть родного отца и мать и т. д., рисуя людей, идущихъ на такого рода службу, какъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ. Характеристику эту по отношенію къ карательнымъ отрядамъ приходилось слышать мнѣ не разъ и впоследствии.

Выяснилось тутъ изъ разговоровъ, что мы находимся всего въ 40 верстахъ отъ того села, въ которое мы было заѣхали наканунѣ ночью, гдѣ, какъ оказалось, стоялъ и штабъ самого карательнаго отряда, дѣйствовавшаго въ ближайшемъ тылу арміи, и стало ясно, что намъ не повдоровилось бы; спасъ насъ прямо таки Богъ.

Послѣдующій путь мы совершили благополучно, ѣхали частью большимъ трактомъ и, хотя рисковали нѣсколько разъ быть обысканными, но это уже относилось къ дѣятельности карательныхъ заставъ, не пропускавшихъ въ Казань продуктовъ. Вся дорога отъ Чистополя была загромаждена крестьянскими обозами, перевозившими въ слѣпномъ порядкѣ хлѣбъ съ ссыльныхъ пунктовъ въ степи — къ Волгѣ. Это заставляли дѣлать большевики, опасаясь наступленія Колчака, торопясь вывезти заготовленный ими за зиму хлѣбъ къ пристанямъ какъ Волги, такъ и низовьевъ Камы, рассчитывая успѣть его двинуть, до занятія Волги бѣлыми, въ центральныя губерніи. Оставшіеся склады хлѣба рѣшено было ими сжечь, а не сдавать, для чего былъ заготовленъ керосинъ. Надо при этомъ замѣтить, что, по словамъ крестьянъ, хлѣбъ лежалъ подъ открытымъ небомъ, безъ подстилки, частью покрытый дырчатыми брезентами и грозилъ быть сгноеннымъ отъ весенней сырости.

Вообще, хлѣбная заготовка, произведенная красными въ теченіе этой зимы, была сдѣлана въ крупныхъ размѣрахъ, такъ какъ вообще масштабомъ они никогда не стѣсняются. За пудъ ржи платили они съ доставкой отъ 10 до 13 рублей и навезли его огромное количество. По зимой за недостаткомъ вагоновъ для передвиженія этихъ запасовъ къ центру, они мобилизовали крестьянскія подводы въ такомъ количествѣ, что, напримеръ, въ Бугульмѣ сосредоточивалось до 9 тысячъ лошадей, занятыхъ исключительно перевозкой хлѣба на Самару. Ввиду же разрушенія желѣзнодорожнаго моста въ Сызрани, они положили рельсы по льду и передвигали вагоны въ ручную. Знающіе Волгу въ этихъ мѣстахъ поймутъ, что за трудъ и какія препятствія имъ пришлось при этомъ преодолѣть, и невольно, несмотря на все презрѣніе, съ которымъ къ нимъ относишься, приходится констатировать ихъ безумную и неутомимую энергію. И не будь она направлена лишь на разрушеніе и переливаніе изъ пустого въ порожнее, она была бы достойна подражанію и со стороны бѣлыхъ.

По дорогѣ мы неоднократно останавливались и ночевали въ избахъ съ возчиками, и нужно сказать, что на большевиковъ всѣ поголовно ворчали. Татарское населеніе относилось еще болѣе опредѣленно отрицательно къ власти, ожидало съ нетерпѣніемъ освобожденія, готово было встрѣчать бѣлыхъ съ распростертыми объятіями, ожидая отъ нихъ облегченія въ экономической жизни, ослабленія режима вмѣшательства въ укладъ ихъ деревенскаго обихода. Но желанія проявить активную

помощь совсѣмъ не было замѣтно; все должно было идти помимо ихъ. И всякой новой, крѣпкой власти они стали бы вновь слушаться съ такимъ же смиреніемъ, какъ и предыдущей, приспособливаясь лишь къ новымъ требованіямъ и условіямъ. Во всемъ этомъ сквозило, что репрессіи и безразличіе были главнымъ основаніемъ для управленія ими, что большевистская власть великолѣпно и учитывала. Разговоры при этихъ остановкахъ, конечно, были самые разнообразныя, касаясь все же почти исключительно условій жизни деревни.

Въ одномъ изъ сель, примѣрно верстахъ въ 40—50 отъ Казани, я взялъ въ руки христоматію, принесенную изъ школы 12-лѣтнимъ мальчикомъ, сыномъ хозяина избы нашего ночлега. Это оказалась книга изданія 12-го года, гдѣ на первой страницѣ былъ перечисленъ составъ царствующаго дома. Тутъ же зашелъ разговоръ и о мѣстной церкви. Оказалось, что красные какъ-то въ теченіе зимы хотѣли взять на учетъ церковное имущество, съ намѣреніемъ часть его куда-то вывезти, но крестьяне сходомъ вынесли приговоръ о протестѣ, послали въ городъ депутацію и въ результатѣ защитили священника и не подверглись репрессіямъ.